

18+

Вадили Бартацци

Врата бога

Книга первая

Под сенью Ашшура

Вадим Барташ
Врата Бога. Книга первая.
Под сенью Ашшура

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65852405

SelfPub; 2022

Аннотация

Однажды у меня возник спор с одним историком. Он утверждал, что на его взгляд крайне сложно написать про Древний Восток роман, который будет иметь захватывающий сюжет, ну и чтобы читатель его воспринимал, как доступное и лёгкое чтение. В итоге мой оппонент признал меня победителем в этом споре. И так... VII век до нашей эры, почти весь Ближний Восток, от Египта и до Индии, находился под железной пятой Ассирийской империи, мощь её казалась непоколебимой, и всем представлялось, что власть её над миром будет вечной, но закат Ассирии был уже не за горами. Этот роман – о первой настоящей империи. Основные герои его – реальные личности, а многие события подтверждаются историческими документами.

Содержание

Дорогой читатель, давай познакомимся	4
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	23
Глава третья	46
Глава четвёртая	57
Глава пятая	69
Глава шестая	84
Глава седьмая	112
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Вадим Барташ

Врата Бога. Книга первая.

Под сенью Ашшура

**Дорогой читатель,
давай познакомимся**

Меня зовут Вадимом Барташем. Так сложилось, что я в одном лице редактор, журналист и издатель еженедельника, но с самого детства увлекаюсь литературой и ещё больше историей. История стала главным увлечением в моей жизни.

Мне хочется вкратце рассказать о произведении, которое здесь представлено на суд читателя.

Исторический роман-трилогия «Врата бога» состоит из трёх книг: «Под сенью Ашшура», «Ашшур в гневе» и «Закат Ашшура». Этот роман рассказывает о последнем периоде существования Ассирийской империи, о наивысшем её расцвете и стремительном крахе.

Почему я проявил интерес к Ассирии? Ответ на этот вопрос достаточно прост. Ассирия – это было особое государство. Оно совершенно не походило на древневосточные державы того времени. В пору своего расцвета оно охватывало

практически весь Ближний Восток, и историки его считают самой первой полноценной империей, однако об этом как-то подзабывается. Замечу, что многие достижения народа, создавшего это государство, затем были переняты персидской, греческой и римской цивилизациями. Вот только перечень некоторых заимствований: разбивка года на двенадцать месяцев, а недели на семь дней, почтовая служба, обустроенные дороги, капитальные мосты, акведуки, доставлявшие воду с гор, метательные машины, профессиональная армия, в состав которой входили сапёрные части, а также абсолютистская монархия, и многое-многое другое. Всё это пришло из Ассирии.

Ассирийская империя оставила глубочайший след во всей человеческой цивилизации. И об этом следует знать.

Теперь скажу кое-что о самом романе.

Он многоплановый. В нём десятки героев. И большая их часть – реальные исторические личности. Ашшурбанапал, царица-мать Накия, учёный Набуахиариба (между прочим, его считают первым из учёных древности, который смело заявил о своих атеистических воззрениях), правитель Вавилона и сводный брат Великого царя Шамаш-шум-укин, дерзнувший восстать против сюзерена, возглавлявший Элам жестокий самодур Теуман и изворотливый и беспринципный Псамметих I, и ещё много других героев, которые упоминаются в древних хрониках. Там же встречаются и персонажи второго и третьего плана из этого романа. А ещё в этих хро-

никах достаточно подробно отражены и основные события о которых пойдёт речь.

Описываемая в романе эпоха- а это почти весь VII век до новой эры- отмечена не только восстаниями и войнами, но она стала и переломной. Эта эпоха подвела жирную черту под историей Древнего Востока, когда со сцены сошли народы, прежде на протяжении веков привыкшие исполнять главные роли (это были ассирийцы и отчасти эламиты) или вскоре потерявшие привычное влияние (египтяне), и на авансцену вышли совершенно новые персонажи, ставшие определять дальнейшее развитие нашей цивилизации.

Вначале среди новых гегемонов засветились скифы, затем мидийцы, ну а за ними пришли персы, которых спустя пару веков с пьедестала согнали греки.

Приятного прочтения.

Часть первая

Глава первая

Шёл пятнадцатый год правления Ашшурбанапала. Великий царь только что отметил своё тридцатитрёхлетие. Он был в самом расцвете сил. Империя его находилась по-прежнему на высоте, но тучи над ней сгущались. От Ассирии откололся Египет. Во главе него, объявив себя основателем новой династии фараонов, встал сын Саиского номарха. Хотя то, что так всё обернётся, никто и не мог предвидеть, ведь ливийский князь, владевший Саисом и ещё несколькими близлежащими городами в Дельте, всегда считался верным васалом. И даже когда в Нижний Египет в очередной раз вторгся кушитский правитель Танутамон, Нехо выступил против него, но был разбит и погиб.

Кушитам поначалу улыбнулась удача...

Танутамон подошёл к крупнейшему городу Нижнего Египта и осадил в нём ассирийский гарнизон, но Мемфис долго защищался и лишь на пятый месяц осады пал. Сын Нехо I бежал в Ассирию и его благосклонно приняли при Ниневийском дворе. Два с половиной года Псамметих находился в эмиграции, он настолько освоился в империи, что даже взял в жёны одну из знатных ассириек и принял асси-

рийское имя, но то, что его рано или поздно пошлют на отво-
евание у кушитов Египта, он предвидел. И вот, после почти
трёхлетнего хозяйничания кушитов в долине Нила, в Египте
начались волнения, и Ашшурбанапал счёл удобным момент
выступления против южных варваров. Тем более восстания
в Тире, Арваде и других городах Финикии были подавлены.

Во главе семидесятитысячной ассирийской армии Вели-
кий царь поставил туртана Набушарусура, а его правой ру-
кой назначили Псамметиха, который возглавил несколько
тысяч египетских беженцев.

Ассирийцы разбили кушитов в трёх сражениях и выгнали
их из дельты Нила.

* * *

Вначале Ашшурбанапал разделил власть над Нижним
Египтом между восемью номархами, но столица провинции
досталась Псамметиху, а когда через пару лет тот принял
самое активное участие в изгнании Танутамона уже и из
Верхнего Египта, то Ашшурбанапал объявил сына Саиского
номарха наместником над всей страной. И этим совершил
ошибку. Великому царю нельзя было полностью доверяться,
как он считал своему другу Псамметиху.

Сосредоточив в своих руках всю полноту власти над мно-
гомиллионным Египтом, тот вскоре воспользовался затруд-
нениями, которые возникли у империи на её северных гра-

ницах, и провозгласил себя фараоном.

* * *

Не меньше головной боли создавал и Элам.

Какое-то время у Ашшурбанапала с ним были неплохие отношения. Когда в этой обширной стране, располагавшейся на юге Иранского нагорья, наступила небывалая засуха, по совету своего наставника, учёного Набуахиарибы, Великий царь предоставил из государственных запасов много зерна населению соседнего царства и даже дал кров нескольким десяткам тысяч эламских беженцев, которые покинули свои селения, спасаясь от голодной смерти. Эти эламиты жили в империи до тех пор, пока в их стране не созрел хороший урожай, после чего они вернулись на родину.

Казалось бы, этот благородный жест должен был по достоинству оценить тогдашний правитель Элама.

И он его оценил...

Уртаки вернул Ассирии статуи аккадских богов, вывезенных прежними эламскими царями и которые в течение долгого времени в качестве «пленных» находились у эламитов, но... Потепление в отношениях между двумя вечно враждовавшими государствами не было продолжительным. Уже на четвёртый год правления Ашшурбанапала царь Элама поддержал правителя одного из сильнейших арамейских княжеств на юге Вавилонии, Бел-Икеша, и князя халдейского

Приморья Набу-шум-эреша, и совместно с ними подошёл к Вавилону, где сидел наместником сводный брат Великого царя.

Ашшурбанапал без промедления двинул в Вавилонию пять отборных корпусов. Узнав об этом, Уртаки и мятежные князья сняли осаду Вавилона и бросились наутёк к границе Элама.

Ассирийцы догнали их у самых пограничных столбов и нанесли этой враждебной коалиции жестокое поражение.

После этого перепуганный Уртаки уже несколько раз присылал послов, чтобы хоть как-то урегулировать свои отношения с Ашшурбанапалом и предотвратить возможное вторжение ассирийцев. Великому царю доложили, что вновь прибыли люди от правителя соседней страны.

– Ну, так и быть, я на этот раз их, наверное, приму... – многозначительно произнёс Ашшурбанапал. – Но послы Уртаки удостоятся особой чести...

* * *

Одной из главных забав у ассирийской знати являлась охота. Однако охота не на кабанов или на диких ослов, а на львов. И это отражалось на дворцовых фресках.

Тогда львы водились в Северной Месопотамии и даже попадались в окрестностях ассирийских городов, но больше всего их встречалось в поймах рек и в Сирийской степи.

Впрочем, их количество неуклонно сокращалось, и со второй половины VIII века до новой эры их начали разводить в питомниках, которые имелись в окрестностях Ниневии и Кальхи.

Обычно ассирийская знать и сами цари охотились на львов, находясь в колесницах или на конях, и расстреливали этих хищников из луков или поражали их из дротиков. Это была не просто забава, а настоящее азартное состязание, и тут было важно с меньшего количества выстрелов убить хищника. Затем шкуры поверженных хищных кошек выставлялись на показ хозяином дома в качестве трофеев. Особенно, судя по ассирийским анналам, прославились в этой весьма опасной забаве такие цари, как Синаххериб и Ашшурнацирапал.

Нынешний Великий царь с некоторого времени тоже увлёкся подобной забавой, и иногда в одном из закрытых дворов Северного дворца для него выпускали из клеток взрослых хищников, и он расстреливал их из лука, находясь, правда, в безопасности. Затем эти подвиги отображались придворными художниками.

Вот эту забаву ассирийской знати Ашшурбанапал и решил продемонстрировать только что прибывшим от Уртаки послам, но прежде он вызвал к себе некоего Бел-Ибни.

Ашшурбанапал обратил внимание на него совсем недавно, и произошло это совсем не случайно, так как этот Бел-ибни ему показался полезным. И вот что необходимо о нём рассказать...

Бел-ибни являлся халдеем, и с виду он был очень необычным. Прежде всего потому, что он был гигант. Он одним своим видом вызывал трепет, так как возвышался почти на три головы над самыми высокими мужчинами того времени, и если средний рост тогдашних ассирийцев или тех же эламитов не превышал два с половиной царских локтя (примерно 165 сантиметров), то рост Бел-Ибни был в полтора раза выше (и достигал 245 сантиметров)! А ещё этот халдей обладал невероятной силой. До недавнего времени он являлся всего лишь младшим офицером гвардейцев, но на него положила глаз сестра Ашшурбанапала, бедовая и очень распутная деваха, которую звали Шерруа-этеррит.

Обрадовало ли Бел-ибни внимание со стороны принцессы из семейства Саргонидов?

А вот тут однозначно нельзя сказать.

Разумеется, породниться с ассирийским царским домом для любого это огромная честь, однако о сестре Великого царя распространялась слава, как об одной из самых гулящих девок при дворе. Теперь она надумала угомониться и,

позарившись на невероятную силу гиганта, сделала его своим любовником и уже собиралась выйти за него даже замуж, но для этого Бел-Ибни следовало возвысить. Ашшурбанапал возвёл его в генеральское звание, впрочем, Шерруа-этеррит этого показалось недостаточно, и она потребовала для будущего мужа нечто большее.

Бел-ибни являлся смелым и решительным воином, хотя какой из него выйдет администратор, Ашшурбанапал всё-таки не мог ещё предполагать.

Гигант появился в приёмном покое, приблизился к трону и преклонил колени перед Великим царём. Даже в таком положении он был не ниже Ашшурбанапала. Один его вид мог вызвать оцепенение и дрожь.

– Вызывал, государь?

Ашшурбанапал кивнул головой.

Гигант поднялся и приложил ладонь к могучей груди.

– Я жду распоряжений! Одно твоё слово!

Ашшурбанапал оценивающе окинул взглядом фигуру гиганта и произнёс:

– Тебе известно, что в Ниневию прибыло четвёртое за полгода посольство от эламитов?

– Да!

– Уртаки меня уже своими посольствами осаждает, но на этот раз я его посольство решил принять. Однако прежде...

– Я слушаю, государь!

– Прежде... я устрою для прибывшего эламского посла

забаву – львиную охоту. И ты мне понадобишься на ней... Если ты сделаешь то, что я задумал, то получишь в награду руку моей сестры и в придачу Ур. Ты понял меня?

– Понял, государь.

– Я позволю тебе жениться на принцессе!

– Я выполню всё, что ты мне прикажешь! – ответил гигант.

Когда Бел-Ибни удалился, Ашшурбанапал соизволил пригласить посла.

* * *

Посольство эламского царя возглавлял князь Тахрах, племянник Уртаки.

Тахрах был младшим сыном вдовы предыдущего царя Элама. Его матерью являлась Шильках. Она чем-то походила на бабушку Ашшурбанапала. Если спросите, чем же она походила, то на это с ходу отвечу: не только характером, но даже и внешне. Она была, так же, как и Накия-старшая, в возрасте, но по-прежнему выглядела очень моложаво, и энергии ей было не занимать. А ещё благодаря её железной хватке ей удалось сохранить за старшим сыном Теуманом Сузы, а царская ставка располагалась теперь в менее привлекательной и более удалённой Мадакте.

– Как здоровье моего брата? – спросил Ашшурбанапал князя Тахраха, когда тот, склонившись, почтительно поприветствовал Великого царя.

– Хумбан, Иншишунак, Пинекир и прочие боги эламской страны оберегают здоровье моего государя, Великий царь! Я хотел бы от имени своего повелителя преподнести тебе дары. Можно их внесут?

– Успеется! – поднял руку Ашшурбанапал. – Сейчас не официальный приём, так что сделать это можно и позже. А сейчас... я хочу тебе сказать, что завтра устрою в честь эламского посольства охоту... Причём это будет особенная охота! Я надеюсь, ты любишь эту забаву, князь?

– Как и все эламиты! – подтвердил Тахрах.

Посол приложил руку к сердцу и поклонился Ашшурбанапалу, ну а тот продолжил:

– Я покажу тебе, князь, и твоим людям, львиную охоту...

– О-о! Превосходно!

– В моём дворце!

Ашшурбанапал знал на чём сыграть.

Тахрах, как и его старший брат Теуман, постоянно испытывал давление со стороны волевой и слишком энергичной матери, до сих пор старавшейся руководить ими, и поэтому, при первой же возможности он пытался доказать и себе и окружающим, что стал уже взрослым мужчиной и созрел до того, что вполне может проявлять самостоятельность.

Ашшурбанапал был почти уверен, что Тахрах обязательно клонет на заброшенную для него наживку...

И так оно и случилось.

Ещё по утру из вольера выпустили в один из закрытых дворов Северного дворца двух молодых львов и взрослую львицу. Эламские послы и придворные расселись в креслах на террасе и смотрели с безопасной высоты на то, как раздражённые львы прогуливались по арене. Ну а эти хищники уже возбудились, и постоянно рыча, оскаливали морды и показывали всем свои грозные клыки.

– А где Великий царь? – спросил Тахрах приставленного к нему ассирийского чиновника. Тот почтительно заулыбался и многозначительно произнёс:

– Великий царь скоро появится.

– Он задерживается?

– Немного наберись терпения, князь, и ты его увидишь.

И действительно, Ашшурбанапал через несколько минут появился. Но появился он не на безопасной трибуне, как этого все в эламском посольстве ожидали, а внизу, во дворе, по которому разгуливали грозные и сейчас изголодавшиеся хищники. Великого царя сопровождали два воина с обнажёнными мечами, и ещё один гвардеец держал на всякий случай пару дротикрв.

Ашшурбанапал посмотрел вверх и поприветствовал зрителей.

Все дружно встали и зааплодировали повелителю импе-

рии.

– Это точно Великий царь? – переспросил князь у представленного к нему ассирийца. – Не двойник его?

– Это он! Не сомневайся, уважаемый! Это и есть Ашшурбанапал!

– Тогда я не верю глазам своим!

– Они тебя не обманывают, – усмехнулся ассирийский чиновник. – В последнее время наш государь пристрастился к львиной охоте. Эта забава, хотя и довольно-таки опасная, но издавна любима ассирийскими владыками. Дед нашего Великого царя, Синаххериб, на таких вот охотах добыл тысячу двести шкур, а однажды он даже был ранен напавшей на него львицей и едва не погиб.

Ашшурбанапалу поднесли лук и стрелы, и он, встав к импровизированному барьеру, начал стрелять.

Вначале он метко поразил двух молодых самцов, убив одного со второго выстрела, а другого с третьего, а когда на него напала львица, выхватил из рук гвардейца копье, оттолкнув воина, который попытался его прикрыть своей грудью, и поразил прыгнувшую на него с грозным рыком львицу. Если бы в этот момент Ашшурбанапал промахнулся или у него дрогнула бы рука, то львица могла бы его растерзать. Но, поражённая копьем, она захрипела, упала на песок и стала обливаться кровью.

Зрители соскочили со своих мест и неистово зааплодировали.

Один из гвардейцев подошёл к смертельно раненной львице и добил её.

– Ваш государь – несомненно, отважный человек! – с восхищением воскликнул князь Тахрах.

Но, как оказалось, это было только началом представления...

Самое интересное ещё всех ожидало впереди.

* * *

Ашшурбанапал переоделся и через некоторое время появился на трибуне.

– Я потрясён до глубины души, Великий царь! – воскликнул эламский посол, когда к нему подошёл повелитель империи. – Я никогда не видел, чтобы цари лично участвовали в поединках с такими грозными хищниками!

– О-о! Это ещё не всё! – усмехнулся немного запыхавшийся Ашшурбанапал. Раб ему поднёс кубок вина, Ашшурбанапал его выпил одним залпом, а затем продолжил – Вот сейчас, после небольшого перерыва, будет вторая часть представления. И она тебя, князь, уж совсем должна удивить.

– Я в предвкушении, Великий государь. И что я увижу?

– Терпение, – Ашшурбанапал с прищуром посмотрел на посла и произнёс – Предлагаю перед этим представлением заключить между нами пари.

– Пари?

– Да, пари!

– Какое?

– Во дворе появится мой человек, и он сразится с двумя львицами. Причём, он будет с ними сражаться безоружным. И его никто не будет прикрывать.

– Я не ослышался? Ты не шутишь, Великий государь?

– Нисколько! Повторяю, мой человек вступит в схватку с львицами и будет с ними биться голыми руками. Один на один! Вернее, один против сразу двух львиц! Которые между прочим будут здоровые и намеренно не накормленные.

У князя расширились глаза и брови поползли вверх.

– Безоружный человек сразится сразу с двумя львицами?!

Одновременно?!

– Одновременно!

– О, великий Хумбан и всемогущая богиня Пинекир! Они же его не пощадят! Они его разорвут на части! Такое мне невозможно представить!

– И всё же... Князь, ты готов заключить пари? – переспросил эламского посла Ашшурбанапал, уже начавший терять терпение.

– Какие будут его условия? – наконец сдался посол.

– Если мой человек не справится с львицами, я одарю тебя, князь, золотом. Ты его получишь столько, сколько вешишь сам.

– Ну, а если... А е-если я вдруг проиграю? Хотя в это и очень трудно поверить...

– Сейчас я от тебя ничего не потребую. Но когда мне это понадобится... то ты выполнишь любое моё пожелание! Ну, так что? Ты готов, князь, заключить пари?

После достаточно долгой заминки и некоторых колебаний Тахрах, младший сын Шильках и племянник нынешнего эламского правителя Уртаки, кивнул головой.

И вскоре после этого на арене появился великан.

В этом великане зрители узнали Бел-ибни. Он был обнажён, и прикрывала его только набедренная повязка.

* * *

– Кто это?! – переспросил Тахрах у севшего рядом с ним Великого царя.

Тот с улыбкой на лице ответил:

– Это халдей, и он мой слуга.

– А как его зовут?

– Его зовут Бел-ибни. И надеюсь, что это будущий наместник Ура...

Поражённый эламит не удержался и покачал головой. Он ещё не видел таких громадных людей. Это была настоящая глыба, целая гора, состоявшая сплошь из мускулов.

Вскоре на арене появились две крупные львицы, и представление, захватившее всех зрителей, началось.

Львицы не стали кружиться и медлить, а сразу же набросились на великана-халдея. На его везенье, одна из них опередила напарницу, и халдей страшным ударом отбросил её в сторону, а когда на него накинута вторая, он отскочил, сделал ловкий захват сбоку и прижав нападавшую хищницу к земле, свернул ей мгновенно шею. Впрочем, эта львица успела перед смертью нанести великану несколько ран.

Великан-халдей поднялся, лицо его было бледное, он пошатывался, но всё же устоял на ногах. Он ждал, когда придёт в себя первая хищница, ненадолго потерявшая от его страшного удара сознание. А трибуны в это время ревели от неописуемого восторга. Но вот эта львица очнулась. Халдей бесстрашно подошёл к ней.

Львица вновь попыталась напасть на великана, и при этом она ему едва не вырвала кусок мяса из груди, глубоко поранив Бел-ибни своими когтями. Однако он сумел разорвать ей пасть.

Все уже стоя рукоплескали Бел-ибни, и Тахрах, никогда не видевший ничего подобного, выражал восхищение громче всех.

– Ну что, князь? – Ашшурбаналп посмотрел на Тахраха.

– Я проиграл пари, Великий государь, – произнёс младший сын Шильках. – И вынужден исполнить любое твоё же-

лание.

– Придёт час, и я сообщу тебе о нём! – загадочно произнёс Ашшурбанапал.

* * *

Не прошло и трёх месяцев после той памятной львиной охоты, которая была проведена во дворе Северного дворца в Ниневии, как эламский правитель Уртаки и скрывавшиеся при его дворе Бел-Икеш и князь Приморья, халдей Набу-шум-эреш, один за другим занедужили и после этого дружно задумали покинуть этот мир и спустились в царство теней. Все поговаривали, что их смерти как-то странно совпали, а кое-кто начал высказывать и предположения, что их могли отравить.

Но кто бы это мог сделать? Виновного людская молва так и не определила.

Ну а кто им был, об этом знал наверняка тогда всего лишь один человек... Но по этому поводу Ашшурбанапал лишь многозначительно улыбался.

Шильках возвела на трон Элама своего старшего сына, а князь Тахрах, её младший сын, поехал во вторую столицу Элама Мадакту, где и вступил в должность тамошнего наместника.

Глава вторая

Старшей дочерью Асархаддона, отца нынешнего Великого царя, являлась Шерруа-этеррит. Я о ней упоминал в первой главе. О-о! Ну это была ещё та свирестёлка! Если сказать, что нрав у этой девицы был скверный, то это ничего про него не сказать. Она с малолетства никого не слушала, считалась сорви головой и привыкла получать всё, что ей захочется, но в случае если её желание не исполнялось, то наступала буря.

Вздорная, привыкшая к истерикам по любому поводу, а то зачастую и без повода, она всегда вела себя вызывающе и вне рамок приличия. С ней при дворе никто не мог совладать, и никто с ней не хотел связываться.

Но хуже всего было то, что она ещё и рано пристрастилась к разгульному образу жизни.

Уже в двенадцать лет она впервые пригубила вино, в пятнадцать начала постоянно выпивать, а спустя года полтора и вовсе стала пить как лошадь, и постепенно у неё начали случаться запои, и когда это происходило, то она уже ничего не соображала и пускалась во все тяжкие. Вначале в её сети попадались некоторые придворные, затем она закрутила шашни кое с кем из гвардейцев, ну а после докатилась даже до черни, до портовых грузчиков и рабов. Любовников она меняла постоянно, и дурная слава об этой принцессе разноси-

лась по всей Ниневии, но её это как-то не слишком смущало.

А несколько раз случалось и так, что Шерруа-этеррит находили в невменяемом состоянии в какой-нибудь таверне, где с ней успевали поразвлечься все, кто на неё положил глаз. Благо мало кто мог даже предполагать, что та, которую имели все по кругу, и кому было не лень, не обычная потаскуха, а дочь Великого царя! И непонятно, как ещё её, такую оторву, никто не украл и не обратил в рабство, или не продал в какой-нибудь притон. А могли эту принцессу запросто и зарезать.

Наверное, при таком совершенно асоциальном поведении, к которому она с пятнадцати лет пристрастилась и когда всё чаще опускалась на самое дно, всё закончилось бы тем, что её неизбежно прежде времени лишили бы жизни, но перед очередным Новогодним праздником ей на глаза попался один гвардейский офицер...

* * *

Происхождение у него было ничтожное, да ещё к тому же он оказался иноземцем, но благодаря своим выдающимся физическим качествам он получил офицерское звание в корпусе царских телохранителей.

Мимо такого мужа Шерруа-этеррит не могла пройти!

А надо сказать, что корпус гвардейцев, охранявших огромный Северный дворец в Ниневии, состоял из семи пол-

ков пехоты, в каждом из которых было две тысячи воинов, и из трёх эскадронов кавалерии, так что всего в нём на царском довольствии состояло 15 тысяч отборных молодых мужчин.

Возглавлялся полк обычно генералом, в ассирийской армии его называли рабсаком. В гвардейцы отбирали отличившихся воинов, проявивших себя в деле и показавших незаурядную храбрость, и тут уже не смотрели на происхождение, а в правление предыдущего царя Синаххериба в этот корпус стали вливаться не только ассирийцы, и поэтому отличившегося в египетской кампании Бел-ибни, халдея по происхождению, зачислили в него. А через полгода он получил звание младшего офицера.

Каждый гвардейский полк носил своё название: «Бессмертные», «Бесстрашные», «Неукротимые» и тому подобные, и у каждого были свои значки, знамёна и доспехи.

Великан (или как его за глаза звали "Халдей") служил в полку «Бессмертных».

* * *

У «Бессмертных» были шлёмы с конскими гребнями, синего цвета плащи и на круглых щитах изображался Ашшур с луком, верховный ассирийский бог.

У каждого полка имелся свой лагерь, располагавшийся внутри дворца.

«Бессмертные» базировались у Приречных ворот и охраняли часть Западной стены и примыкавшие к ней Приречный парк, пристань и ряд других сооружений, включая и храм богини Иштар.

По давно заведённой традиции, пришедшей в Ассирию ещё от шумеров (у которых богиня любви называлась Инанной), раз в году каждая женщина обязана была прийти в храм этой небожительницы и предложить себя любому желающему, который готов был заплатить определённую сумму за близость с ней. Потом собранные таким образом средства передавались на содержание храма.

Однако уже почти как век ассирийки из знатных и богатых семей откупались от подобной повинности, предоставляя вместо себя какую-нибудь рабыню, но вот старшая сестра Ашшурбанапала в эти дни вдруг превращалась в набожную прихожанку и с необыкновенным рвением лично исполняла то, что предписывалось укоренившейся традицией.

На этот раз к церемонии в храме богини любви она готовилась заранее, и даже для этого разработала план.

* * *

Шерруа-этеррит узнала, в какое именно время храм посещали воины из полка «Бессмертных», и с рассветом пришла в него. Но заявила она не одна, а со своей служанкой. Служанка была давно уже не молодой, с мешками под под-

слеповатыми глазами и дряблым морщинистым лицом, и с длинным крючковатым носом, и от того выглядела ужасно и казалась сущей уродиной. Её держали во дворце только из-за того, что она когда-то была кормилицей принцессы.

– Э-эй, бедняжка, а ты на что тут надеешься? Тебя же никто не выберет!

– Красотка, тебе придётся самой кому-то доплачивать за себя! Ну, кто в здравом уме захочет с тобой перепихиваться?!

– А может, старая, ты поймаешь какого-нибудь бедолагу и насильно напоишь его... И он с тобой совершит по пьяни подвиг? – со всех сторон слышались насмешки, щедро сыпавшиеся на голову этой служанки.

Один из самых злых воинов не сдержался и съехидничал:

– Прикрылась бы ты, старая карга, покрывалом, что ли, а то при твоём виде невольно начинаешь заикаться! Ты же-страхолодина, каких свет ещё не видывал!

Уродливая служанка Шерруа-этеррит на все эти издевательские реплики стоически молчала и не огрызалась, и ждала того, на кого ей указала хозяйка.

Служанка уже переживала, что этот офицер не появится. Не все гвардейцы ходили в храм за подобным развлечением, так как обычные девицы лёгкого поведения, которых в Ниневии была тьма тьмушая, обходились им гораздо дешевле, да и один раз в неделю из царской казны выделялись деньги на оплату их услуг, когда одна куртизанка обслуживала сра-

зу от семи до десяти воинов. Но не всем гвардейцам такие забавы приходились по нраву.

Впрочем, Бел-ибни в этот раз всё-таки появился.

Он пришёл в храм, чтобы выбрать женщину и заплатить за неё часть своего жалованья.

* * *

Увидев уродливую служанку он, как и остальные «бес-смертные», оскалился в ухмылке и тоже захотел отпустить какую-нибудь колкость, но служанка предупредила его:

– Красавчик, выбери меня, и ты не пожалеешь!

– Что-о-о-о?! Ты что, ты не рехнулась-ли, случайно, старая?! – невольно вырвалось у великана, и он, отшатнувшись от старой образины, расхохотался. – Ты предлагаешь мне следовать за тобой?! Да ты- уродина! Ну, посмотри же на себя! И я за тебя буду платить богини Иштар?! Ты верно сума сошла?! Я тебя совсем не хочу...

– Молчи! И следуй за мной! – вдруг резко и очень решительно произнесла служанка, и, встав с земли, она захромала во внутренний притвор храма богини Иштар.

Бел-ибни заколебался, но, несмотря на усмешки сослуживцев, всё-таки последовал за старой каргой.

Он не знал, почему, но сейчас ей подчинился. Какие-то новые и уже повелительные нотки зазвучали в голосе этой ведьмы и это заставило его послушно, как телку на верёвоч-

ке, последовать вслед за ней.

* * *

Бел-ибни даже не предполагал, к кому его повели, однако притвор, к которому они шли, был переделан в закрытое помещение и предназначался для важных особ. Внутри было темно, и лишь совсем слабый свет падал в него через единственный крохотный оконный проём, устроенный под потолком и походивший скорее на бойницу.

Помещение оказалось на удивление просторным.

Внутри него угадывались несколько скульптур, в том числе богини любви, а также находился алтарь, пол устилали ковры, и его усыпали цветами, в центре же стояло заранее принесённое широкое ложе с короткими ножками и балдахинном, и на нём кто-то возлежал. Этот кто-то был отделён занавесью, и его нельзя было увидеть.

– Я всё исполнила, как ты велела, госпожа! – произнесла служанка.

– Ступай!

Бел-ибни остался у дверей и не знал, что ему сейчас делать.

Служанка поклонилась незнакомке и вышла.

Занавесь была отдёрнута, но находившаяся за ней незнакомка всё равно была окутана непроглядной темнотой.

– Ну, что ты замер, как будто не живой, а какой-то исту-

кан? – вновь послышался женский голос. Судя по нему, принадлежал он отнюдь не старой деве. – Я тебя не съем!

– А тогда чего ты хочешь? – вопросом на вопрос неуверенно ответил великан.

Незнакомка не сдержалась и заливисто в ответ расхохоталась. Хохотала она долго, но затем, успокоившись, продолжила:

– Чего хочу? Ты меня удивляешь. О-ох и наивный же ты, оказывается, Бел-ибни! А что, ты ещё мальчик, если не догадываешься, чего я от тебя жду?

– Почему же, догадываюсь... Но я не знаю, кто ты! – неуверенно пожал плечами великан, окончательно сбитый с толку.

– И это так уж важно?

– Ну, да-а...

– Ты хочешь познакомиться со мной?

– Хочу!

– Хочешь познакомиться поближе?

– Да!

– Зна-ачит... ты подтверждаешь, что тебе любопытно, кто же изнывает от желания и тебя ожидает заполучить на ложе?

Бел-ибни хотел сказать правду, но что-то его остановило, и он кивнул головой:

– П... п-подтверждаю.

Незнакомка неожиданно не на шутку рассердилась на великана:

– А-а-ах та-ак! А когда вы все приходите в эти дни в храмы Иштар и выбираете себе женщин, разве вы выпытываете, кто же они?

– ...Нет, не выпытываем, – вынужден был признаться халдей.

– Вот именно! Вы даже не спрашиваете у выбранных вами подруг имён, а просто ими пользуетесь в своё удовольствие, и затем платите им за их услуги! Ну, так и поступай, согласно этому обычаю, и со мной! Кстати, я тебе отдамся и ничего не попрошу у тебя взамен!

– Спасибо, но я уже ничего не желаю.

– Ты передумал заниматься любовью и не хочешь меня?!

Бел-ибни упрямо мотнул головой и подтвердил, что не хочет. Всё это его раздражало, и ему происходящее не нравилось совершенно.

Незнакомка уточнилась:

– Я же не потребую от тебя ни-че-его! Ты не хочешь меня даже бесплатно?!

Великан вновь замотал головой. Он не знал, что делать и как из всего этого выпутаться. А может ему развернуться и прямо сейчас уйти? Уйти молча и не препираясь с незнакомкой. Разговор их и так затянулся.

Через силу он из себя выдавил:

– Ну как у меня будет что-то с тобой, если я даже не представляю, как ты выглядишь! Ты кто? Ну хотя бы мне ненадолго покажись? Дай на тебя взглянуть хотя бы глазком...

Бел-ибни стал всё больше упрячиться.

– Пока я этого не могу, – возразила раздражённая незнакомка. – А знаешь, что? А давай-ка поступим с тобой иначе.

– И что ты предлагаешь?

– А я лучше себя опишу... Послушай же меня.

– Слушаю...

– Я... я, к твоему сведению... Я не старая. У меня большие глаза.

– Какого цвета?

– Они карие.

– Карие?!

– Ну, да! И я вполне себе ничего. Я даже красивая. Во всяком случае, мне так говорят. И, к тому же, я очень знатного происхождения! Это то и мешает мне сейчас перед тобой полностью раскрыться.

– Ты что, ты дочь придворного, получается? Какой-нибудь важной шишки? – переспросил халдей.

– Ну, допустим...

– Ниневийского сакну (вельможи, – прим. авт.)?

В ответ послышался смех.

– Или дочь, а может даже жена генерала?

Незнакомка повторно рассмеялась.

Бел-ибни был обескуражен и у него вырвалось:

– Н-неужели ты супруга са-а-амого туртана (главнокомандующего, – прим. авт.)?!

– Я?! Ха-а-а! Ха-ха! Я – дочь туртана?

– А что?

– Ну и скажешь?! Прямо-таки и размечтался! А тебе бы этого хотелось? Или если бы это было так, то ты бы не осмелился ко мне даже притронуться пальцем?..

– Ну, я... и не знаю, что на это сказать...

– Я тебя разочарую, красавчик... Я всё-таки не супруга и не дочь главнокомандующего! И, между прочим, ты из-за своей растерянности совсем позабыл, что наш туртан всё-таки вдовец, да ещё и бездетный он.

– А-ах, да-а! Я действительно об этом позабыл... – спохватился великан.

Он был по-прежнему растерян и обескуражен.

– Вот то то и оно... – заметила незнакомка.

– Но я всё равно так не могу, – развёл руками Бел-ибни. – Как хочешь, а я не стану восходить на твоё ложе, не видя тебя и не представляя, какая ты есть на самом деле...

– Ха-ха-ха! Вот оно, настоящее двуличие! – незнакомка резко оборвала смех. – Вам, мужланам, всегда подавай если не богиню, то какую-нибудь девицу, хотя бы немного похожую на Иштар. Хватит со мной препираться! Мне надоело тебя уговаривать! Ну чего ты ломаешься? Я, в конце концов, тебе приказываю! И ещё раз повторяю, что в этот раз ты не заплатишь за любовь ни-че-го! Платить буду за тебя я! И я очень щедро расплачусь. И с тобой, и с богиней Иштар! Но, конечно, если я останусь довольна от нашей близости, Бел-ибни! Будь же решительней! Не испытывай моего терпения!

Его и так осталось уже мало!

Халдей хмыкнул, однако после некоторого колебания всё-таки перестал упираться и надумал действовать.

Он тяжело и обречённо вздохнул, затем скинул с себя всё, что на нём было, вплоть до набедренной повязки, и уже совершенно обнажённый подошёл к ложу и возлёг на него. И тут же он почувствовал дыхание незнакомки.

Она осторожно подобралась к нему и вначале слегка прикоснулась к его плечу, провела пальцами по спине, даже пощекотала немного за лопатками и в области чуть повыше паха, а затем она губами прихватила один его сосок, потом другой, нашла пупок.

Ну а дальше...

Незнакомка внезапно проявила необыкновенную прыть. Рука её опустилась и ухватила его за самое болезненное и чувствительное место. Рука у неё оказалась сильной и она ухватила его крепко. И девица тут же воскликнула:

– У-ух, ты! Я ещё такого не встречала!

И затем она как пантера пошла в наступление. То есть она набросилась на него, прижалась к нему всем телом и обвила за шею...

* * *

Великан сразу же отметил про себя, что незнакомка была умащена и от неё исходил аромат дорогих благовоний, кото-

рый кружил ему голову и пьянил его. Тело у неё было очень даже ничего, к тому же, не обрюзгшее, кожа на ощупь нежная, ягодицы выпуклые и что ещё приятнее, упругие, ну а груди... О-о! Груды у неё были по девичьи высокие, как и любил "Халдей". И помимо этого незнакомка оказалась опытной и необыкновенно страстной.

Уже вскоре она завела великана.

Бел-ибни настолько разошёлся, что, занимаясь с ней любовью, он совсем потерял счёт времени.

А незнакомка периодически кричала:

– О-о! Как же мне хорошо! Глубже, глубже входи в меня!

Чего они только не вытворяли за те несколько часов, что были вместе! Обычно великан быстро доводил любую девушку до полного изнеможения, однако на этот раз ему попался равный соперник. Девушка оказалась крепким орешком, и она, в конце концов, его переборола. Хотя она и была вдвое меньше его, но она оказалась на любовном ристалище не только опытнее, но и выносливее. Незнакомка вертелась как заведённая и её стоны переходили в пронзительные крики, а потом всё это у неё сливалось со стонами вошедшего в не шуточный раж великана.

Наконец-то их стоны умолкли, и Бел-ибни, и незнакомка, совершенно уже измождённые, уgomонились.

После долгого молчания, незнакомка произнесла:

– У ног скульптуры Иштар, стоящей слева, рядом с дверью, находится мешочек, там плата за твои старания. Я до-

вольна тобой! Ты меня не разочаровал.

Бел-ибни поднялся с ложа, оделся и подошёл к скульптуре.

Судя по весу мешочка, плата незнакомки за свидание, наполненного несколькими часами бурной страсти, оказалась щедрой.

Бел-ибни был уже на пороге, когда незнакомка окликнула его:

– Э-э-эй, халдей, а ну ка постой!

Бел-ибни остановился.

– Завтра в это же время вновь придёшь сюда! – произнесла повелительным тоном незнакомка.

И великан халдей послушно кивнул головой. Почему-то он побоялся этой незнакомке перечить.

* * *

Весь день сослуживцы не давали прохода Бел-ибни. Они донимали его каверзными вопросами, а кое-кто осмеливался издеваться над ним и в открытую, всё спрашивая о его свидании, как оно прошло и чем закончилось. Но Бел-ибни только в ответ хмурился и пыхтел.

Целую неделю Бел-ибни ходил в этот притвор и в крошечной темноте занимался любовью с незнакомкой, о которой толком ничего пока не знал. Ему было известно только то, что она являлась очень знатной особой. И лишь по истече-

нии недели она ему наконец-то открылась и назвалась. И великан халдей чуть не грохнулся на пол, когда узнал, что его новая любовница не кто-нибудь, а сама принцесса из рода Саргонидов.

Это оказалась сестра самого Ашшурбанапала!

И от её признания Бел-ибни едва не хватил удар.

* * *

Итак, великан-халдей превратился в любовника сестры самого Великого царя. Ну а она из-за него потеряла голову и внезапно для всех при дворе стала меняться в лучшую сторону.

Изменения в ней произошли существенные, и как-то почти мгновенно.

Она прекратила пить, уже не пускалась во все тяжкие и вскоре переродилась почти что в идеальную матрону. Теперь на людях она покрывала голову непроницаемой тёмной тканью и не выставляла свои прелести, как раньше, на показ любовному. Но она настолько запала на халдея, что иметь его любовником ей было недостаточно, и она решила женить его на себе. Однако для этого он должен был занять достойное положение при Ассирийском дворе, и буквально через месяц, как у Шерруа-этеррит с ним завязались отношения, Великий царь присвоил великану генеральское звание.

Впрочем, старшая сестра Ашшурбанапала посчитала, что

и этого было недостаточно. Она наседала на брата, и тот, в конце концов, сдался – после памятной львиной охоты, на которой перед зрителями великан предстал во всей красе, Ашшурбанапал направил его на Юг Месопотамии.

Бел-ибни занял должность наместника и стал заправлять в Урской области.

* * *

Ну а сейчас пора перейти к гаремам.

И вот что хочу о них вам рассказать...

Если вы пожелаете узнать, где же впервые этот институт появился, то я вам отвечу: появились гаремы впервые на Древнем Востоке, а ещё точнее, не в Арабском халифате, а намного раньше, и в классическом и законченном виде они сформировались в Ассирии.

Но самые-самые первые были зафиксированы ещё у шумеров, в их многочисленных царствах, а также они были уже и в Египте при первых фараонах, однако там они были небольшие и мало чем отличались от обычных женских половин в домах тогдашней верхушки общества, а вот тот вид, который нам теперь известен, они приобрели к XIV веку до новой эры в Ассирийской империи, а затем распространились уже и по другим дворам восточных правителей, во всём подражавших Великим царям.

При Ассирийском царском дворе находился самый боль-

шой гарем того времени, в котором содержались не только законные жёны Великого царя, но и до тысячи его наложниц. Эти самые наложницы являлись представительницами различных народов. Все они были юные и у многих из них возраст не перевалил и за семнадцать лет. Наложницы происходили из Вавилонии, Урарту, Элама, Мидии, с Кипра и из других стран. Не всем этим наложницам нравилось их бесправное положение, и некоторые из них пытались любым способом возвыситься. Одной из таких честолюбивых девиц оказалась Лурина.

Она была филистимлянкой, и родилась в Газе. А ещё про неё говорили, что она необыкновенно красива, но повадки у неё были законченной авантюристки. И, к тому же, про неё судачили, что она развратна и совершенно ничего не стеснялась. Через какое-то время на эту красотку положила глаз могущественная царица-мать Накия-старшая, тоже ценившая молодость и внешнюю привлекательность, и Лурина стала прислуживать ей в том числе и в опочивальне. Однако эта бесстыдница хотела делить ложе не со стареющей и капризной царицей-матерью, а с ещё достаточно молодым Великим царём, и ей вскоре удалось обратить на себя его внимание, и филистимлянка добилась того, что уже по нескольку раз в неделю она стала приходить к нему в опочивальню и проводить с ним ночи.

Она умела ублажать мужчину, умела это делать, как никакая другая наложница, и всё, казалось бы, у неё сладилось,

но связь её с Великим царём не продлилась долго и уже через три месяца внезапно оборвалась.

И виной тому стала новая фаворитка повелителя империи, появившаяся совершенно неожиданно.

На этот раз ею стала золотоволосая лидийка. И вот какая редкость: эта лидийка оказалась не из царского гарема, а со стороны.

* * *

Как это случилось?

Не поленюсь и расскажу об этом тоже.

Рассказ мой будет обстоятельный и по порядку.

Эта лидийка была тоже молода, но внешность её для Ассирии считалась необычной. Она отличалась светлой кожей и была золотоволосой (некоторые её завистницы считали, что волосы у неё рыжие, а тогдашними ассирийцами это не признавалось чем-то привлекательным). И замечу, что по началу влечение к ней у Ашшурбанапала не было таким уж острым, как к некоторым прежним наложницам или к той же уроженке Газы. Но за то в общении с лидийкой Великий царь получал ни с чем не сравнимое удовольствие. А всё потому, что Амматтея была умна. А ещё она была необыкновенно начитанна и умела поддерживать разговор. И вообще, с ней можно было поговорить на любые темы. Всё-таки Амматтея была не наложницей в классическом виде, а девушкой свободной, да

и к тому же приёмной дочерью учёного Набуахиарибы.

Она оказалась не только образованной, но и обладала редким даром сочинительства. Она писала стихи. И её стихи вызывали восхищение.

Ну а что же красотка из филистимской Газы?

Той пришлось возвращаться к прежней хозяйке и на колених вымаливать прощение у царицы-матери.

Поначалу царица-мать, Накия-старшая, не хотела даже видеть развратницу, променявшую её на внука, но та всё-таки подобрала ключики к Накии и добилась того, чтобы над ней сжалились и не выгоняли её в какой-нибудь зланный притон.

– Пусть это тебе послужит уроком, – ещё сердясь на свою прежнюю любовницу, произнесла Накия-старшая, и уже мягче добавила: – Надеюсь, ты теперь поймёшь, как перечить мне! И в следующий раз, если пойдёшь против моей воли, я тебя не пощажу! И тогда ты уж точно закончишь плохо! Потому что тогда ты вылетишь из дворца! Ты усвоила это?

– Да, госпожа, – потупила взор девица. – Больше я не буду идти наперекор твоей воле! Поверь мне ещё раз...

Царица-мать жестом показала изменнице, чтобы та покинула её покои и вслед ей произнесла:

– Жди, когда я надумаю тебя вызвать. А пока- пошла прочь!

– Я поняла тебя! – откликнулась покорно филистимлянка.

Ну а Великий царь к тому времени уже окончательно определился с выбором. К удивлению своей семьи и своего двора, он потерял голову от золотоволосой девицы, новой фаворитки, и из-за неё позабыл даже дорогу к жёнам. Теперь он проводил большую часть своего свободного времени не в гареме, а с этой новой фавориткой.

И по большому счёту Ашшурбанапала я понять могу!

Всё-таки эта девица, как никто другая, ему подходила. И подходила потому, что Ашшурбанапал был и сам незаурядной творческой личностью. Он знал семь языков (в том числе и мёртвый шумерский), писал религиозные гимны, молитвы и стихи, и под влиянием своего наставника изучал все известные тогда науки. Ну а приёмная дочь Набуахиарибы Апаттея... это была бесспорно очень талантливая поэтесса (даже больше того скажу: лидийка Апаттея являлась предшественницей знаменитой гречанки Сапфо с острова Лесбос).

Ашшурбанапал познакомился с этой лидийкой случайно, когда посещал в очередной раз дом учителя, и увлёкся ею как-то незаметно и быстро, однако для него, наверное, она была прежде всего не женщиной, предназначенной для альковных развлечений, а другом. С ней можно было всегда поговорить. И причём откровенно и обо всём. Она доставля-

ла ему большее удовольствие в общении. Они проводили не один час в разговорах, говорили о природе вещей, о человеческих взаимоотношениях, а ещё они с ней обсуждали произведения друг друга.

И мнение лидийки Ашшурбанапал очень ценил.

При этом Амагтеи от Великого царя ничего и не надо было, а он из-за неё даже начал учить лидийский язык. Однако литература, высокая поэзия и умные разговоры на разные темы- это всё хорошо, но от политики и дел государственных никуда было не деться.

Тем более, если ты восседаешь на троне и правишь такой огромной империей.

* * *

Тут ещё следует заметить, что правление Ашшурбанапала нельзя было назвать спокойным.

Одно восстание вспыхивало за другим, да и внешние угрозы никуда не подевались. Напряжённость на северо-восточной границе вроде бы разрядилась, после того как царство скифов прочно вошло в орбиту влияния Ассирии и стало союзницей благодаря тому, что правитель Ишкузы теперь был женат на Накии-младшей, ещё одной сестре Ашшурбанапала, и у него подрастал наследник – наполовину скиф, а наполовину ассириец, да ещё и Саргонидских кровей.

В Манне была восстановлена в своих правах прежняя ди-

настия Иранзидов, и её новый владыка Уалли уже прочно связывал своё будущее с империей.

Мидия, ещё вчера представлявшая определённую угрозу, поверженная скифами, теперь балансировала на краю пропасти, а в Эламе задиристый Уртаки переел жаркого и сошёл в могилу, ну и пришедший ему на смену новый правитель, Теуман, ещё пока что осваивался на троне и никак не успел себя проявить. Хотя отзывы о нём уже поступали разные, и чаще совсем не лестные.

На севере только киммерийцы тревожили границу, а вот их сосед, царь Урарту Руса II, больше не собирался как раньше конфликтовать с империей и повёл себя подчёркнуто дружественно, и всё было бы ничего, но озабоченность у Ашшурбанапала теперь стала вызывать Вавилония...

Там на троне восседал Шамаш-шум-укин. Это был сводный брат Великого царя.

Каких-либо свидетельств о его измене пока не поступало от засланных в эту провинцию шпионов, но поведение Шамаша становилось всё более непонятным и где-то даже подозрительным.

Ашшурбанапалу сообщили, что в Ниневию прибыли родственники внезапно скончавшегося Уртаки, и они слёзно умоляют, чтобы Ассирия предоставила им убежище, так как нынешний повелитель Элама собирался их всех лишить жизни.

Ашшурбанапал принял племянников прежнего владыки

соседнего царства и проявил к ним благосклонность.

Глава третья

Царствующие Саргониды на самом деле ничем не отличались от остальных знатных ассирийских родов. И потому в этой семье кипели нешуточные страсти и интриги. И надо ещё сказать, что они там ни на день не прекращались.

Тем более, после безвременного ухода из жизни Син-надин-апала, у правившего Великого царя Асархаддона теперь оставалось всего два сына, рождённых от законных жён, но он, Шамаш, был, конечно же, сильнее.

Во-первых, потому что хотя и не на много, но всё-таки на полтора года он родился раньше.

А во-вторых, потому что вообще он оказался физически крепче. И этим Шамаш-шум-укин постоянно пользовался.

Они были сводными братьями, так как рождены были Великим царём от разных матерей.

* * *

Матерью Шамаша являлась вавилонянка, а Ашшурбанашпала – ассирийка. Ассархаддон не обращал на это никакого внимания, и поначалу даже отдавал предпочтение среднему сыну, ставшему теперь после известных событий старшим, полагая, что из него-то как раз и должен выйти толковый наследник.

Шамаш был подвижен, развит не по годам физически и уже с десяти лет сопровождал отца на устраиваемых им в окрестностях Ниневии охотах.

А Ашшурбанапал оказался полной противоположностью Шамашу. Закомплексованный, и, к тому же, рано научившийся читать, он всегда предпочитал книги и тишину дворцовой библиотеки.

Ассирия славилась своими астрологами, однако при поздней империи в ней появилась и целая плеяда настоящих учёных. Но самым великим среди них почитался Набуахиариба. Он выдвинулся после того, как написал несколько десятков трактатов по различным научным дисциплинам и сделал ряд значимых открытий. Он был настоящим энциклопедистом. А ещё он являлся хранителем огромного царского архива и книгохранилища, так называемой Ниневийской библиотеки. Его приставили к обоим сыновьям Асархаддона в качестве наставника, но он сразу выделил младшего отпрыска, как более способного и склонного к наукам.

Ашшурбанапал стал любимцем учёного мужа.

А Шамаш к занятиям с учителем относился пренебрежительно. Его намного больше интересовали физические упражнения, скачки, поединки на мечах и стрельба из лука. А как он любил гонки на колесницах, которые устраивались на специально отведённом для этого месте на правом берегу Тигра, к югу от столицы! Во время этих гонок делались ставки, и с двенадцати лет этим занялся и Шамаш.

К тому же с этого времени он обожал сопровождать отца на царских торжественных выездах и не пропускал ни одной охоты.

* * *

На царскую охоту выезжали обычно ранним утром, едва только к востоку от Тигра забрезжит рассвет. В ней участвовало до четырёхсот человек. Помимо придворных и гвардейцев, охранявших Великого царя, обслуживали подобные развлечения и слуги. А ещё привлекались рабы, ухаживавшие за специально выведенными охотничьими собаками.

Рабы вместе со сворами отчаянно лаявших псов загоняли зверей. Впрочем, крупных хищников в окрестностях ассирийских городов становилось всё меньше, и, как я отмечал, тех же львов стали разводить в питомниках, устроенных поблизости от Кальхи. А в полутора фарсах к югу от древней ассирийской столицы, был огорожен забором с трёх сторон и с четвёртой – Тигром, большущий вольер, что-то вроде заповедника, в котором десятки хищных кошек жили на воле.

И вот туда на охоту за этими кошками и наведывались Асархаддон и его придворные, и их почти всегда сопровождал Шамаш.

* * *

Шамаш впервые убил львицу в пятнадцать лет. Тогда он уже самостоятельно управлял своей колесницей. И когда из приречных камышей выскочила хищница, а возраст её был примерно года четыре, средний отпрыск Асархаддона закричал, чтобы из его окружения никто не смел её трогать, и что он сам её застрелит.

Со второго выстрела он её ранил, и только с седьмого убил, но сколько гордости после этого было у Шамаша, что у него впервые появился такой трофей!

Отец на своей колеснице подъехал немного позже. Он выслушал сбивчивый рассказ наследника и одобрительно потрепал его по голове.

Асархаддон был явно доволен случившимся.

А после уже, Шамаш приказал, чтобы шкуру убитой им львицы повесили над его креслом в гостиной и всем её показывал.

* * *

В детстве он постоянно донимал сына ассирийки Эшархат и часто действовал исподтишка. Они нередко дрались, и сводный средний брат всегда поколачивал младшего. И вот

однажды, после очередной такой разборки, устав получать тумаки и приходить к себе побитым, сын Эшархамат выхватил из-за ремня припрятанный заранее нож и пырнул им обидчика. После этого при дворе разразился громкий скандал.

Мать Шамаша потребовала примерно наказать «бандита», а также и саму Эшархамат, не сумевшую правильно воспитать сына. И тут неожиданно вмешалась в эти внутрисемейные разборки Накия-старшая, мать Асархаддона. До этого она занимала подчёркнуто равноудалённую позицию, но под влиянием Набуахиарибы, который с ней провёл беседу по душам, она теперь заняла сторону младшего внука. В итоге Ашшурбанапал был оправдан, а наказанным оказался его обидчик.

И, пожалуй, вот с этого-то времени могущественная царица-мать стала во всём опекать Ашшурбанапала. Младший отпрыск Великого царя стал её любимчиком.

А ведь к ней вынужденно прислушивался даже и глава царствующей семьи Асархаддон.

* * *

Силы соперничающих группировок, каждая из которых видела наследником того или иного принца, после этого уравнились.

За Шамаша выступали часть знати, финансовые воротилы

и крупные купцы, а также жречество и почти вся Вавилония, кроме разве что Ура, а за Ашшурбанапала стояли горой Накия-старшая, военные и наставник, учёный муж, ну а Асархаддон между этими группировками лавировал и выступал неким арбитром, находившимся как бы над схваткой.

Однако бесконечно лавировать Асархаддон не мог, и, в конце концов, ему пришлось делать выбор, и тут решающим оказался голос Накии-старшей.

* * *

Она потребовала от него прояснить ситуацию. Асархаддон не посмел возражать матери. Они уединились и очень долго разговаривали с глазу на глаз. Разговор шёл на повышенных тонах. А вскоре дошло до того, что царица-мать заговорила раздражённо, а потом и вовсе стала отчитывать сына, как мальчишку, чего она не делала уже давно.

Она напомнила ему, что только благодаря ей он стал тем, кем сейчас являлся.

После многочасового разговора она вынудила сына изменить ранее принятое им решение, и официально было объявлено, что наследником всё-таки становится не Шамаш, а Ашшурбанапал.

Для Шамаш-шум-укина это стало шоком, ведь он уже свыкся с мыслью, что именно ему достанется трон.

Но в споре с матерью Асархаддон всё-таки выторговал од-

ну немаловажную уступку...

Одновременно с объявлением имени наследника было и заявлено, что Шамаш, на правах пусть и зависимого правителя, получит в управление Вавилон.

* * *

С этого момента Шамаш по-глупому больше не задибал сводного брата, а, напротив, всеми силами старался наладить с ним отношения и восстановить их с его матерью и, конечно же, с могущественной Накией-старшей.

Постепенно все прежние обиды забылись, и это ему удалось сделать. Только Накия-старшая продолжала не доверять Шамашу и его матери, однако вслух она этого до поры до времени не высказывала.

Асархаддон считал, что добился своей цели, и что распри в царской семье наконец-то прекратились, и можно было больше не волноваться по этому поводу...

* * *

После внезапной смерти Асархаддона, наступившей в полевом лагере, когда Великий царь направлялся с армией в очередной поход, Накия начала энергично заниматься подготовкой к возведению на трон своего любимца. Значитель-

ная часть знати, вся военная верхушка и даже жречество Ашшура, Кальхи и Ниневии дружно последовали за ней. Шамаш и его ближайшее окружение поняли, что им ничего не удастся изменить и смирились со свершившимся фактом...

В общем-то без всяких эксцессов была проведена официальная церемония инаугурации и вступления в царские права Ашшурбанапала, и только в одном из пригородов Вавилона, в Лаббинате, небольшая группка местной знати не смогла удержаться и затеяла бучу, но эту бучу подавили и главных зачинщиков её обезглавили.

По второй части завещания Асархаддона его средний сын, после коронации Ашшурбанапала, должен был заполучить в ленное владение Вавилонию, однако новый Великий царь целый год колебался, пока не принял окончательного решения. Он исполнил и этот пункт отцовского завещания.

Впрочем, Накия-старшая была по-прежнему настроена скептически по этому пункту. Она продолжала считать, что Шамашу не следовало отдавать Вавилонию. Такого же мнения продолжал придерживаться и наставник Великого царя.

Более того, Набуахиариба в открытую и неоднократно заявлял о том, что этим шагом Ашшурбанапал рано или поздно, но навлечёт на Ассирию беду.

И учёный муж как всегда оказался прав.

Что же последовало после этого?

А вот что...

Даже получив в управление только одну провинцию, на первых порах Шамаш-шум-укин и этому несказанно обрадовался. Он подчёркнуто лояльно относился к более везучему брату, ставшему Великим царём, и во всех своих речах и действиях показывал, что безоговорочно признаёт его первенство.

В храмах Вавилонии возносили молитвы в честь обоих братьев, причём всегда на первое место ставилось имя Великого царя, то есть Ашшурбанапала. Из Вавилонии в Ниневию регулярно отправлялась значительная часть собранных налогов, и важные вопросы, касавшиеся автономного царства, решались при согласовании с Великим царём и его представителем, находившимся при Шамаше.

Этот чиновник вроде бы держался в тени, но ни для кого не являлось секретом, кто был хозяином положения.

Шамаш стоически терпел унижение и не показывал вида, что это его хоть как-то задевает. Напротив, он сам постоянно отсылал на все праздники подарки в Ниневию и заявлял, что между ним и младшим братом царит полная гармония и взаимопонимание.

* * *

У Шамаша вначале его правления не было даже армии, а был лишь только отряд телохранителей, да ещё стражники следили за порядком в самой столице автономного царства и в соседних городах. И только на третий год Ашшурбанапал разрешил ему набрать из вавилонян корпус, в котором, впрочем, распоряжались исключительно присланные из столицы ассирийские офицеры.

Ашшурбанапал понимал, что на пятимиллионную страну (а в состав Вавилонии не входили Ур, выделенный в отдельное наместничество, а ещё на половину самостоятельные Приморье и несколько халдейских и арамейских владений) пятнадцать тысяч воинов было совершенно недостаточно. Они могли поддерживать относительный порядок в мирное время, но в случае какой-либо серьёзной заварушки этими силами ничего нельзя было сделать.

И вскоре это предположение подтвердилось...

Так как в Вавилонии едва не рухнула власть Великого царя.

* * *

Я уже упоминал, как в пределы этого автономного образо-

вания неожиданно вторгся Уртаки, и эламского сумасбродного правителя поддержали арамеи и часть халдеев, населявших Приморье. Союзники подошли к Вавилону и предприняли его осаду.

Ашшурбанапалу пришлось отправлять на помощь брату армию, которую он снял с северной границы, несмотря на то, что там ожидалось нападение киммерийцев. В последнюю минуту эта армия успела подойти к городу и отогнала от него Уртаки и его разношёрстных и не очень надёжных союзников.

И только после этого Шамаш сумел уговорить Ашшурбанапала, чтобы тот позволил ему набрать ещё два корпуса. И в одном из них Шамаш поставил командирами уже вавилонян.

Глава четвёртая

Наверное, и вы хотя бы раз слышали выражение: «кому-то везёт, потому что есть люди, которые рождаются с золотой ложкой во рту»! Это на самом деле древнее выражение, и оно относилось в полной мере к Ашшурбанапалу. Но в его детстве ни он, никто другой не мог и подумать, что именно младшему сыну Асархаддона достанется трон.

Поначалу его считали в какой-то степени излишне замкнутым и очень уж стеснительным. И уж тем более его нельзя было назвать самоуверенным и спесивым. Но сам того не замечая, Ашшурбанапал, став неожиданно даже для себя Великим царём, постоянно задевал самолюбие сводного брата. И не то, чтобы это делалось им преднамеренно, а просто он не придавал этому какого-то значения.

Ну а Шамаш спотыкался о преграды буквально на каждом шагу и ему при любом удобном случае указывалось на его место, причём зачастую это исходило даже не от самого везунчика-брата, а от его приближённых.

Шамаш, как мог, сдерживал себя и шаг за шагом укреплял свою по началу совсем призрачную власть.

А начинал он с малого...

* * *

На самых первых порах где только мог, Шамаш стал находить и расставлять преданных ему вавилонян. Вначале их было совсем немного, но постепенно круг тех, кому он доверял, расширялся. Это были и недовольные политикой Ашшурбанапала некоторые вельможи, и наиболее состоятельные купцы, торговавшие с Египтом, Индией и Аравией, страдавшие от постоянно повышавшихся налогов. В этот круг стали попадать и военные из местных, раздражённые своим принижённым по сравнению с ассирийцами положением, а также халдеи, оседавшие в столице автономного царства и переселявшиеся массово с Юга.

Но главной опорой Шамаша стал его тесть...

* * *

Тестю Шамаша необходимо уделить особое внимание (так как он сыграет в дальнейшем моём рассказе едва ли не ключевую роль).

Это был дородный мужчина с окладистой и тщательно ухоженной бородой, который кичился не только ею, а и своей родословной. А она у него была действительно непростая и в некотором роде замечательная. Тесть Шамаша всех убеж-

дал, и даже в подтверждение своих слов показывал таблички, из коих следовало, что его род восходил к Каштилиашу IV, правившему в Вавилонии 600 лет тому назад, и что через этого царя он принадлежал к Касситской династии, которая управляла в стране не одно столетие.

Вообще, тесть сводного брата Великого царя считался одним из самых родовитых вавилонских вельмож, и поэтому Шамаш, взяв в жёны одну из его дочерей, сразу приобрёл множество сторонников среди местной аристократии.

Набу-ката-цабат стал перетягивать на сторону Шамаша своих знакомых и друзей, и вскоре при дворе вавилонского царя они заняли особое положение, а сам тесть при этом удостоился важнейшей должности первого министра, то есть он стал визирем.

* * *

Разумеется, Набу-ката-цабат когда-то мечтал о гораздо большем. По молодости он видел себя в своих фантазиях на вавилонском троне, но у него оказалась на это кишка тонка, и он в итоге так и не решился претендовать на царские инсигнии, понимая, сколь это опасная для него лично затея.

Набу-ката-цабат задумал пойти извилистым путём...

Он сумел породниться с ассирийской правящей династией в расчёте на то, что через одного из Саргонидов приобретёт то же самое, чего так всегда жаждал. А жаждал он власти,

и только её. Пусть и урезанной, и не царской теперь.

Ну и, конечно же, выбор у него пал на Шамаша, так как тот по матери являлся наполовину вавилонянином.

* * *

Свадьба Шамаша с дочерью Набу-ката-цабата состоялась ещё до того, как сводный брат Ашшурбанапала по завещанию получил во владение Вавилонию. Затем хитрый тесть сделался для Шамаша не только родственником, но и своим в доску парнем и начал исподволь внушать зятю, что тому было бы неплохо по-настоящему стать царём, а не оставаться всю жизнь безвольной куклой в руках везунчика.

Речи эти оказались не пустыми.

Они падали на благодатную и уже вполне взрыхленную почву...

* * *

План у Шамаша и его тестя созрел быстро и был он в общем-то довольно-таки простой: действовать надо осторожно и постепенно, привлекать на свою сторону как можно больше людей и выдавливать из Вавилонии всех тех, кто сохранял безусловную лояльность к Ашшурбанапалу. А ещё усиливать вавилонскую армию и расставлять в ней на команд-

ные должности преданных вавилонян.

Не последним пунктом плана было и налаживание отношений со жречеством, с банкирами и купцами, которые могли профинансировать в будущем Шамаша. Особую роль в этих планах играли вавилонские олигархи, и прежде всего две самых влиятельных среди них семьи- Нагибу и Мурашу (об этих могущественных семьях в дальнейшем ещё будет сказано отдельно).

Необходимо было так же установить дружбу и с вождями арамейских и халдейских княжеств, находившихся под бокком.

* * *

Набу-ката-цабат, как всегда, был бесцеремонен. Появился он в покоях царственного родственника бесшумно. Шамаш только что встал и ещё даже не привёл себя в порядок и не начинал завтракать.

– Как дела, зятёк? – спросил Шамаша Набу-ката-цабат. – Как спалось сегодня?

Шамаш выглядел не важно. Он приложился смоченным в холодной воде платком к голове, но влажный платок не помогал. Шамаш тяжело вздохнул и страдальчески скривился:

– Бо-о-олит...

– Что, сильно?

– Ещё такого не было!

– Э-э-э, наверное, много выпил вчера? – делано посочувствовал тесть.

– Да, вроде, как всегда выпивал...

– Что, совсем уж немного?

– Вот клянусь, немного. Только поздно заснул. Впрочем, и сон долго не приходил. Ворочался с боку на бок. Ну а потом... Привиделся. Но какой-то, как бы это сказать? Какой-то странный...

– А ну-ка расскажи, зятёк? И что же тебе такого приснилось? – заинтересовался визирь.

– Э-эх, хех, хех, а приснилось мне, что я поджигаю своими руками дворец...

– Хм... Прямо и дворец? – визирь насторожился, и поспешил уточниться с вопросом: – Ну и какой? Чей это был дворец?

– Хочешь знать, чей дворец я поджигал?

– Ну, да.

– По правде сказать, я что-то так и не разобрал. Ниневийский... и-или... или вавилонский... И к чему этот сон, а? Я вот теперь всё не успокоюсь и думаю об этом. Думаю и думаю. От раздумий этих аж голова уже раскалывается.

Набу-ката-цабат деланно спокойно пожал плечами:

– Позвать может астролога? Что бы он нам всё прояснил с твоим сном... Только астролог нам может разъяснить его. Что за этим сном всё-таки стоит...

– Я об этом думал... И я его уже вызвал, – ответил визирю

Шамаш.

Вскоре в покоях Шамаша появился придворный астролог.

Шамаш во всех подробностях пересказал ему свой сон, и астролог, поразмыслив немного, ответил:

– Могу сказать на это только то, что вскоре всё изменится. Но чтобы дать более обстоятельный ответ, мне необходимо провести гадание как положено, и желательно это сделать непосредственно в храме.

– Тогда, действуй! – Шамаш указал жестом, чтобы астролог покинул его покои.

– А я к тебе с новостью, – вкрадчиво заговорил Набу-ката-цабат, и подал зятю сандали и верхнюю одежду.

Шамаш не стал дожидаться рабынь и сам оделся и обулся.

– Надеюсь, новость у тебя хорошая и меня не расстроит? – переспросил он.

– Думаю, что хорошая, – ответил зятю визирь.

– Ну, говори тогда... Я весь в внимании, тебя слушаю.

– В Вавилоне проездом оказался человек... Ты я думаю его знаешь. У него прозвище... запоминающееся.

– Озвучь?

– Тебе что-то говорит прозвище Красавчик?

– Хм, а кто это? Постой ка, как ты сказал? Ещё раз повтори!

– Кра-а-асавчик... Это ни о чём тебе не говорит?

– Красавчик? Кра-а-асавчик... Не-ет, не припомню. Ты кого имеешь ввиду, проясни?

– Да знаешь ты его! И виделся с ним. Причём виделся не раз при Ниневийском дворе...

– Где? Когда? Напомни.

– Напомнить?

Шамаш закивал головой.

– В Северном дворце. Так прозвали одного молодого халдейского князя. Он родом из Приморья...

– А не Набуэля ли ты сейчас имеешь ввиду?

– Его.

– А-а! А я его тоже действительно знаю, хотя и не так чтобы близко с ним знаком. Ну и что?

Следует сказать, что Набуэль был не простым халдеем. Ему едва перевалило за двадцать лет, и он прослыл первым кутилой, а ещё и отъявленным сердцеedom.

После того, как прежний правитель халдейской области Приморья поддержал вторгшихся в пределы империи эламитов, а потом сбежал с ними, Ашшурбанал решил преобразовать Приморье в обычную провинцию и назначить в неё уже своего ставленника. Выбор был долгий и достаточно сложный, и, в конце концов, пал на представителя того рода, который скептически был настроен к прежнему князю Приморья и находился даже в опале. И вот возможно новый уже губернатор направлялся в Ниневию, чтобы окончательно получить утверждение в этой должности.

Тесть и по совместительству визирь Шамаша произнёс:

– Я бы с этим князем вёл себя поосторожней, но с ним

необходимо всё равно встретиться, пока он в Вавилоне.

– Зачем? – удивился Шамаш.

– Не перебивай, зятёк! Если думать о будущем, то это надо обязательно сделать! И даже больше того... – продолжил визирь. – Надо бы в честь этого князя нам устроить пир.

Шамаш недолго поразмышлял и дал на это согласие.

* * *

Настала теперь пора несколько слов посвятить этому самому Набуэлю. И я это сделаю охотно.

И вот почему...

В последние года полтора он обретался в основном уже не у себя на родине, а в столице империи, и вернулся в Приморье ненадолго, чтобы только проводить в последний путь своего отца. Хотя Набуэль был и молод, но он успел в Ниневии изрядно засветиться... Он там приобрёл громкую известность. Для своего времени этот князь был неординарной личностью. Те, кто знал этого юношу, считали его отъявленным щёголем, ну а мы сейчас дали бы ему другое определение и назвали бы его модником или франтом. Причём самым первым не только в Ниневии, но и во всей империи.

Набуэль умудрился много чего ввести в тогдашний повседневный обиход. Так именно он стал первым носить не сандали, а подобно варварам предпочитал одевать сшитые из кожи сапоги, но только на высокой платформе (такие прежде

носили некоторые женщины), он так же начал облачаться и в необычного покроя верхнюю одежду, и после него стало особым шиком одевать на праздничных пирах парики. У него этих париков было очень много и они были самых разных расцветок.

А ещё он первым стал сбривать бороду и оставлял только аккуратные усики на лице. Во всём он был необычен, изыскан и утончён, и многие юноши намерено ему теперь подражали, так как он стал в некотором роде их кумиром.

Но этим не ограничивались его достоинства в глазах окружающих. Ещё этот князь был не только хорошим наездником и храбрым воином, но умел красиво говорить и играть на различных музыкальных инструментах. И этот князь превосходно пел. Голос у него был чистым и сильным. К тому же, этот юноша обладал и идеальным слухом.

Пел Набуэль не хуже лучших профессиональных певцов той эпохи. Причём, он не стеснялся петь и на пирах. Его часто просили, чтобы он спел хотя бы две-три песни на празднествах.

Пир по случаю гостя был устроен в тот же вечер. На нём присутствовало немного человек.

Сейчас Набуэль, сидя рядом с Шамашем, по просьбе хозяев исполнил несколько песен, но затем спел ещё одну, совсем новую, которую в Вавилоне ещё никто не слышал.

Когда Красавчик закончил её исполнять, наступила тишина, казалось, все оцепенели, и вдруг присутствующие опом-

нились и громко и восторженно захлопали в ладоши.

Шамаш обратился к гостю:

– Какая замечательная песня! Я ничего подобного ещё не слышал. А как она называется?

– «Соловей на ветке», уважаемый, – ответил юный князь.

– Д-да-а-а... Эта песня превосходна!

– Её написала новая подруга Великого царя, лидийка Амааття. Она очень талантливая поэтесса. И её песни становятся всё более популярными.

Визирь встал со своего места и поднял кубок:

– Предлагаю выпить за здоровье брата нашего государя, за величайшего правителя Вселенной, за Великого царя Ашшурбанапала! Долгие-долгие ему лета! И пусть боги неустанно заботятся о нём!

Все единодушно поддержали тост визиря.

Пир продолжался до полуночи, а на следующий день Красавчик засобирався продолжить свой путь на север, в Ниневию. Там его ждали важные дела.

* * *

Шамаш и его тесть вышли проводить халдейского князя. Они обнялись и расцеловались уже как старые, закадычные друзья.

Шамаш велел снабдить караван знатного гостя продуктами и лично довёл Набуэля до его колесницы.

Когда караван Красавчика покинул царский двор, визирь вслед ему заметил:

– О-о-ох уж этот князь! Сразу видно, что он неплохой малый! И хотя он умеет как никто другой нравиться, но этот юноша всё-таки сам себе на уме. Впрочем, он всё равно окажется с нами в одной лодке...

– Ты в этом уверен? – покосился Шамаш на тестя.

– А у нас другого выхода нет, зятёк... И потом, у меня есть предчувствие... Я так скажу: в том, что Красавчик переметнётся на нашу сторону, я не сомневаюсь. Только надо набраться терпения. Однако по-о-ока... Пока что будем с ним осторожны.

Шамаш не стал спорить со своим тестем.

Правитель Вавилонии всецело полагался на чутьё своего первого министра.

Глава пятая

Под высокими сводами храма голос звучал как-то по-особенному. Может эту особенность ему придавало местное эхо?

– О, великая Пинекир, мать богов, прими от меня, матери Теумана, госпожи Шильках, дары, и помоги моему старшему сыну, только что занявшему трон, упрочить своё положение на нём! А ещё прошу тебя, посодействуй ему сокрушить всех явных и скрытых врагов! Я приношу тебе в жертву пять годовалых бычков, два таланта золота и восемь талантов серебра! Пусть Теуман станет для Элама самым лучшим царём! И будь благосклонна ко мне и ко всей моей семье!

Сделав строгое лицо и сложив ладони вместе, как предписывал обряд, Шильках низко поклонилась золотой скульптуре богини и попятилась назад. За её спиной толпились Главный жрец и его помощники.

Когда-то Пинекир была ведущей в эламском пантеоне богов, но сейчас она опустилась на третье место, а первых два обойдя её заняли мужские божества – Хумбан и Иншишунак.

Все обряды, которые исполнялись в честь Пинекир, не менялись уже тысячелетия. Совершали их только мужчины. И причём при исполнении их им предписывалось быть обнажёнными. Исключение делалось для Главного жреца, да и то

если только он был старше пятидесяти пяти лет, но и тогда он был обязан прикрываться лишь набедренной повязкой.

Жрецы и прислужники перед обрядом тщательно брили головы и совершали очистительное омовение, а потом нанесли на лица краску. Различного цвета полосы украшали их лбы. Также они подводили глаза и рисовали у себя на груди зигзагообразные узоры. Каждый из них нёс особую смысловую нагрузку. Некоторые из жрецов утверждали, что это были символы очень древнего происхождения, которые эламиты использовали ещё до изобретения своей письменности. Но сейчас никто уже по большому счёту не мог эти знаки расшифровать. И даже сами жрецы не могли это сделать.

Весь обряд задабривания матери богов проводился в храме, находившемся неподалёку от Суз, в Дур-Унташе. Храм этот представлял из себя целый комплекс различных сооружений, главным из которых являлся четырёхступенчатый зиккурат высотой в 60 царских локтей (42 метра), выстроенный из кирпича и облицованный плитами из известняка (зиккурат этот сохранился до наших дней почти в первоизданном виде и находится он на юго-западе Ирана).

Атлетического сложения и совершенно обнажённые прислужники, уже закололи бычков и стали вносить на огромных бронзовых блюдах куски ещё дымящегося мяса. Затем они внесли кувшины со свежей кровью и только после этого начали складывать у основания алтаря золотые слитки.

Слитков было много. Пожертвования оказались необычно

щедрые.

У Главного жреца от алчности загорелись глаза, и как он ни старался, но так и не смог скрыть охватившей его радости.

* * *

Шильках чем-то походила на ассирийскую царицу-мать Накию-старшую. Она тоже была в достаточно почтенном возрасте, но прекрасно сохранилась. Выглядела она совершенно потрясающе. У неё была девичья фигурка с по-прежнему осиной талией и не было ни одной морщинки даже вокруг глаз. А ещё она была властной и энергичной. Сейчас она терпеливо ждала заключения Главного жреца, ну а тот не торопился. Наступил наконец-то его звёздный час.

Вот прислужники воскурили на алтаре аравийские благовония, заиграла музыка храмового оркестра, и началось долгожданное гадание.

Главный жрец что-то выпил из ритуального кубка, потом склонился над внутренностями заколотых бычков и что-то зашептал, а затем закружился и начал размахивать руками. Вскоре он и вовсе завертелся так, что зарябило в глазах, и войдя в транс неожиданно рухнул на пол.

Некоторое время он лежал неподвижно, как будто потерял сознание, но затем очнулся, приподнял вначале голову, потом поднялся весь, подобрал валявшийся рядом посох и, опираясь на него, повернулся к царице-матери лицом. Гла-

за у него были уже потухшие, а вид опустошённый. Однако, собравшись с последними силами, он стукнул посохом о каменные плиты и возгласил:

– Великая богиня Пинекир приняла твои жертвы, госпожа! Она поможет тебе и твоим сыновьям!

Шильках ответ этот Главного жреца не показался достаточным:

– А Теуман? Что с ним будет? – пребывая в тревоге, не могла не переспросить она.

– Удача пока что твёрдо на его стороне!

– И долго не оставит удача его?

– Пинекир ему покровительствует! – ответил ей Главный жрец.

– Я ещё кое о чём хочу спросить тебя? – задала ещё один вопрос царица-мать.

– Спрашивай, госпожа!

– А есть надежда, что он хотя бы изменится?

– Об этом ничего не могу сказать. Но будь по отношению к старшему сыну осторожна...

– Осторожна?!

– Да!

Шильках несколько рассеяно кивнула головой.

В общем-то теперь уже хотя бы отчасти удовлетворённая результатами обряда и стараясь не заострять внимание на совершенно голых прислужниках, Шильках вышла из храма и проследовала к колеснице.

Дур-Унташ находился в четверти фарсаха от Суз и, по сути, являлся восточным пригородом эламской столицы.

Через три часа Шильках вернулась к себе во дворец.

* * *

Об Эламе можно долго говорить. Он имел давние традиции и считался одним из древнейших государств. Цивилизация в этой стране зародилась одновременно с шумерской и может быть чуть позже, чем в Египте. Однако объединился он намного позднее.

Впервые централизованное государство образовалось в нём при аванском правителе Пепе в XXV веке до новой эры, и почти два века основанная им династия управляла в этой стране. Потом в Месопотамии образовалось Аккадское царство, Элам не выдержал конкуренции с ним, и аккадцы его покорили.

У него ещё были взлёты и падения. Случалось и так, что Элам далеко раздвигал границы на север и восток и иногда захватывал часть Месопотамии.

А в 1180 году до новой эры царь Шутрук-Наххунте I, самый выдающийся правитель за всю трёх тысячелетнюю историю Элама, изгнал вавилонян с территории страны, совершил победоносный поход на запад, где разграбил города Сиппар и Киш, и саму столицу Вавилонии, и вывез в Сузы колоссальную добычу, включая статуи вавилонских богов и

стелу с законами царя Хаммурапи, которую впоследствии раскопали археологи. В 1155 году до новой эры этот же правитель совершил новый поход на запад и подчинил себе всю Месопотамию. При нём Элам простёрся от Вавилона и до границ Индии, а на севере его влияние доходило до окрестностей нынешнего Эльбруса, и однажды эламиты даже омыли ноги свои в водах Каспийского моря.

Элам вошёл в зенит своего могущества. В то время Элам считался главенствующей силой на Ближнем Востоке. Однако могущество его продлилось недолго и закончилось внезапно.

* * *

В 1151 году до новой эры вавилоняне, возглавляемые Набуходоносором I, восстали и нанесли сокрушительное поражение сыну Шутрук-Наххунте I при крепости Дер. Поражение это оказалось настолько серьёзным, что Элам рассыпался на отдельные владения и три века не упоминался. И лишь только в середине VIII века до новой эры он вновь объединился и начал опять набирать силу.

Очередными его объединителями на этот раз выступили правители Аншана. Это были цари из династии Тахридов. А в 721 году до новой эры вновь при пограничном Дере сошлись две армии. Эламскую возглавлял Хумбан-Никаш, а ассирийскую в этот раз уже Саргон II, основатель самой по-

следней династии Великих царей.

И доселе непобедимые ассирийцы оказались разгромлены.

Так Элам вернул себе статус великой державы, и отныне с ним приходилось считаться даже Ассирийской империи.

* * *

Дворец правителей в Сузах, конечно же, уступал аналогичным дворцам в Ниневии или Вавилоне, но тоже был примечателен. Занимал он внушительную территорию и по своим размерам входил в пятёрку крупнейших на Ближнем Востоке. Вообще в Сузах, население которых тогда превышало двести тысяч жителей, имелось с три десятка храмов и чуть поменьше дворцов, и этот город в древности признавался одним из самых благоустроенных. Особый шик ему придавали обширные поля вокруг него, на которых произрастали миллионы лилий. В период их цветения окрестности эламской столицы преобразались и становились настолько красивыми, что неслучайно Сузы в древности прозвали городом лилий (Шуша – с эламского переводилась как лилия).

* * *

Царица-мать занимала в царском дворце целое крыло, ко-

торое формально не входило в женскую половину, и сюда к Шильках приходили на поклоны и для разрешения каких-то животрепещущих вопросов чиновники и придворные. Она, как и Накия-старшая в Ниневи, многое решала. Между прочим, эламские женщины были гораздо раскрепощённые вавилонянок и ассириек. Они не прятали лица под покрывалами, могли выходить на улицу без сопровождающих и имели такие же права, как и мужчины (то есть, они выступали свидетельницами в суде и претендовали наравне с отпрысками мужского пола на долю в наследстве).

В многовековой истории Элама случалось нередко, когда женщины становились правительницами, и был зафиксирован даже такой прецедент, правда, это произошло очень и очень давно, когда Верховным жрецом выбрали женщину.

Впрочем, в последние два-три века, под влиянием соседних Вавилонии и Ассирии, права женщин в Эламе постепенно урезались, но эламиток по-прежнему никак нельзя было назвать забитыми и униженными.

* * *

Не побоюсь выглядеть тривиальным, и всё-таки хочу высказать такую мысль...

Понятно, что женщин никогда не причесать под одну гребёнку, они не похожи друг на друга и все разные. И по социальному положению, и по характеру, и по многим другим

параметрам. Есть такие, которым роль матери и спутницы своего избранника кажется недостаточной или и вовсе малопривлекательной. Их переполняет энергия, и они постоянно готовы действовать. Из таких амбициозных особ зачастую выходят умелые интриганки и даже великие правительницы. Вот к такому типу женщин и можно было по праву отнести Шильках.

А ещё она прославилась любвеобильностью. И не все её дети были от мужа.

Муж её, царь Элама Хумбан-Халташ II, правивший до Уртаки, догадывался, что она постоянно изменяла ему, но Шильках умела им управлять, и все её измены сходили ей в общем-то с рук. Одно время она даже была любовницей пришедшего к власти после смерти её мужа Уртаки, и благодаря этой связи ей удалось спасти всех своих детей.

Уртаки очень нравилась Шильках, когда она была моложе, он даже долго добивался её благосклонности, но их связь продлилась только пять лет, и потом, когда он охладел к ней, он всё равно был признателен бывшей любовнице, и вдовствующей Шильках удалось вывести из-под удара домочадцев.

За Теуманом, её старшим сыном, Уртаки согласился даже оставить Сузы. Другой же её сын, Тахрах, получил хорошую должность при дворе, и Уртаки после своей неудачной авантюры в Вавилонии поручил именно ему восстановить отношения с Ассирийской империей.

Тахрах возглавил посольство, посетившее Ниневию, и после проигранного Ашшурбанапалу пари выполнил пожелание Великого царя...

Строптивый Уртаки, поев чего-то несвежего, внезапно скончался.

Таким образом путь к эламскому трону оказался расчищен, и Шильках не упустила представившейся ей возможности.

* * *

На этот трон засматривались, как на лакомую добычу. На него хватало претендентов, однако Шильках опередила их всех. Ей удалось заручиться поддержкой нескольких влиятельных при дворе вельмож, а также её поддержало жречество, и в итоге она добилась своего и одела на голову старшего сына тиару, ну а младший Тахрах получил Мадакту, которая при Уртаки являлась царской резиденцией. И всё бы ничего, но Теуман, утвердившейся на троне, стал огорчать её. Он как-то сразу стал меняться. И менялся явно в худшую сторону.

Теуман и раньше-то не являлся пайнкой и как человек имел множество недостатков, однако власть, которую он получил, его окончательно испортила.

Теуман становился всё более несдержанным, взрывным, мстительным и иногда превращался уж совсем в какое-то

кровожадное чудовище. Даже в ту жестокую эпоху он поражал нередко своими выходками. Он мог за малейшую провинность посадить на кол слугу или забить до смерти плетями повара, плохо приготовившего его любимое жаркое. По два-три раза в неделю он спускался в казематы и лично пытал там узников, и своими руками лишил жизни с особой жестокостью сотни несчастных, при этом он утверждал, что из него вышел бы наилучший палач.

Шильках была уже не рада, что возвела на трон его.

Поступки старшего сына не могли не шокировать.

Царица-мать пыталась воздействовать на Теумана и хоть как-то старалась смягчить его нрав, однако ей это всё реже удавалось. Так, не слушая её возражений, он захотел казнить всех трёх сыновей Уртаки. Их собирались заковать в кандалы, а затем обезглавить, однако Шильках предупредила их о готовившейся над ними расправе, и они сбежали в Ассирию.

Царские отпрыски, включая шестьдесят их жён и детей, а также несколько десятков вельмож, в том числе и главнокомандующий эламской армии, нашли убежище на ассирийской территории.

* * *

Беспричинная свирепость Теумана не шла на пользу царству. Шильках это осознавала. И, наверное, она осознавала это лучше всех. С каким трудом ей удалось примирить стар-

шего сына с восставшими персами, а ведь он едва не казнил наследника их князя.

Кира I, возглавлявшего посольство персов, она взяла под свою опеку, и только после невероятных усилий ей удалось сохранить ему жизнь. Она в буквальном смысле в самую последнюю минуту успела снять его с дыбы, когда палач уже начал готовить его к истязаниям, а Теуман исхлестал Кира плетью.

Тогда Шильках, как вихрь, ворвалась в казематы и по серьёзному разругалась с Теуманом. Он её вывел из себя. И после этого она с ним не разговаривала три недели.

Ну а скольких сил ей потом стоило убедить сына всё-таки пойти на уступки восставшим персам и признать за ними Аншан.

За это Теисп и его люди сложили оружие и пообещали в возможном предстоящем конфликте с Ассирийской империей поддержать эламитов. Она радовалась своей трудной победе и, как девчонка, влюбилась после этого в спасённого ею Кира. И вскоре они стали с ним близки. Но это было не обычное её увлечение, каких прежде у неё насчитывалось очень много, может быть не один десяток, а она к Киру испытывала настоящее чувство, хотя разница в возрасте между ними и составляла больше тридцати лет.

И с какой же мукой она расставалась с ним, когда Киру настала пора возвращаться к своим. Да, зрелая женщина всегда тяжелее переживает расставание с близким ей человеком. Ну

а на что она могла рассчитывать? Не становится же ей женой этого юноши, сына вассала эламского царя – она как-никак являлась царицей-матерью, и никто бы ей не позволил совершить подобное безрассудство. Так что Кир теперь вдали от неё и вряд ли уже вспоминает о ней.

Однако горечь от разлуки с ним вскоре заслонили новые проблемы.

И опять эти проблемы породил её старший сыночек...

Неоправданные репрессии, проводившиеся по его распоряжению, теперь уже в отношении эламских горцев, подтолкнули и тех к восстанию.

* * *

Луллубеи обитали на стыке границ Ассирии, Манны, Мидии и Элама, и занимали южную часть Загросского хребта. В горных долинах у них находились небольшие поселения и замки. Они делились на несколько племенных княжеств. В периоды ослабления центральной власти они приобретали независимость, однако, когда Элам набирал силу, то горцы признавали его власть над собой и вновь начинали выплачивать дань. И надо же такому случиться, что один из луллубейских князьков, напившись, поколотил мытаря, присланного за ежегодной данью, и напоследок выбил ему глаз, а тот, едва унеся ноги от горца, пожаловался царю.

Теуман вскипел и велел послать против возмутителя спо-

койствия карательную экспедицию. Царские воины, прибывшие на место, не слишком усердно разбирались в произошедшем инциденте и казнили князька и всю его семью, а затем подпустили огненного петуха к его замку. Эта расправа вызвала негодование у других горцев, и они подняли восстание.

Узнав о случившемся, Теуман засобирался отправить против горцев-луллубеев уже целый корпус, но Шильках приостановила эту новую карательную экспедицию и вызвала из Мадакты младшего сына.

Тахрах прибыл в Сузы через два дня.

Шильках приняла его в своих покоях и с ходу ему заявила:

– Ты мне нужен, дорогой. Необходимо срочно исправлять ошибки твоего старшего брата. А то, я чувствую, он наделает делов, да таких, что мы ещё долго не сможем разгрести их!

– Я слушаю тебя, матушка!

– Когда ты в последний раз общался с тестем?

– Во-от, буквально месяц тому назад он приезжал в Мадакту, после того, как его дочь родила мне второго сына.

– Он остался доволен устроенным в честь него приёмом?

– Вроде бы да.

– Значит так, твой тесть – один из самых влиятельных князей среди горцев, направляйся к нему и проси его, чтобы он употребил всё своё влияние и уговорил бы других луллубейских князей поумерить пыл и пойти на переговоры. Нам совершенно ни к чему сейчас будоражить луллубеев.

– Когда выезжать? – спросил Тахрах.

– Сегодня отдохни, ты же только что с дороги, ну а завтра с утра отправляйся! Медлить нельзя! – ответила ему Шильках.

Глава шестая

Ассирийцы хотя и отличались воинственностью, однако помимо этого любили и праздники. В их календаре праздников было немало, но главным у них почитался Новый год.

В их первой столице, Ашшуре, основанной ещё субареями, когда на среднем Тигре об ассирийцах никто ничего и слыхом-то не слыхивал, у Ниневийских ворот возвели Новогодний храм. Он был скромный, глинобитный и, скорее, походил на обычную хижину, только больших размеров.

Спустя полторы тысячи лет из Аравии сюда начали проникать семитского происхождения кочевники. Они себя называли ассирийцами. Эти кочевники оказались чрезвычайно воинственными. После нескольких войн они прогнали субареев и, захватив город, на месте прежнего, разрушенного глинобитного храма, построили свой.

В последующем он не раз перестраивался, и к XIV веку до новой эры, когда Ассирия резко возвысилась и стала превращаться в грозную империю, этот храм принял законченные формы.

Теперь это было очень красивое, культовое сооружение, бронзовые ворота которого украшались фигурой Верховного бога Ашшура, идущего на битву против богини зла Тиамат.

Каждый из ассирийских царей считал своим долгом укра-

свить этот храм новыми фресками. Территория вокруг него тоже была ухожена и своеобразно озеленена: по приказу Синаххериба, деда нынешнего Великого царя, в каменистом грунте на площади размером в одну сто пятидесятую фарсаха (примерно в 16 тысяч квадратных метров) вырубili ямы и соединили их подземными каналами. Затем всю эту территорию засыпали плодородной землёй и в ямы высадили ровными рядами тысячу саженцев. Причём, высажены были не только тополя, дубы и прочие виды деревьев, произраставших в Ассирии, но и теплолюбивые пальмы, которые росли только на Юге Месопотамии, в Вавилонии, и к этим деревьям вода доставлялась по подземным каналам. Таким же способом озеленили и двор храма, окружённый со всех сторон внушительной колоннадой.

Близ храмового колодца для церемониальных омовений ещё субарейми был устроен бассейн. На его наружных стенках изображались боги, окружённые жрецами в необычных рыбьих масках, которые давным-давно никто не использовал. Тела этих жрецов также покрывались рыбьей чешуёй, и это являлось отголосками древнейших субарейских и шумерских мифов о рыбьем происхождении бога воды Эа, который до прихода в Северную Месопотамию ассирийцев считался в этих краях Верховным богом.

От Эа эстафету принял ассирийский Верховный бог Ашшур, но постепенно он стал отвечать не за воду, а за войну.

Новогодний праздник царь Ассирии был обязан встречать в Ашшуре, в который он приезжал за несколько дней до торжественной церемонии. Я уже упоминал, что святилище этого бога стало тем ядром, из которого и выросла первая ассирийская столица на месте субарейского городка. Отправной точкой этого процесса стал XXIV век до новой эры.

Ашшур располагался на отвесной скале, нависавшей над Тигром на западном его берегу. Широкая монументальная лестница с достаточно крутыми ступенями вела на вершину скалы, где разместились несколько дворцов, четыре храма и самая главная святыня Ассирии – храм Верховного бога войны, который изображался в виде бородатого мужа с крыльями за спиной и стрелявшего из лука. Впрочем, когда-то, ещё в V тысячелетии до новой эры, на его месте находилось скромное святилище богини Иштар, которую в те уже отдалённые времена называли на субарейско-шумерский лад Инанной.

Наиболее высоким сооружением в Ашшуре являлась башня-зиккурат, главная часть храма, посвящённого Верховному божеству. Поднималась эта башня на семьдесят пять локтей в высоту (почти на 50 метров). К ней примыкала обширная пристройка, протянувшаяся до самого Тигра. Здесь хранились двенадцать священных барок. На них в

праздник Нового года переносили статуи ассирийских богов из различных храмов, и затем на украшенных цветами барках боги покидали город и отправлялись на север к Кальхе, Ниневии и к другим местам, где их восторженно встречали и подносили им щедрые дары.

И только к концу праздника эти статуи возвращались в свои святилища.

Двенадцать дней ассирийцы отмечали Новый год. И в эти дни никто из них не работал, а все подданные Великого царя только пировали, приносили жертвы богам, дарили друг другу подарки и ходили в гости.

Повсюду играла музыка, и ассирийцы от мала до велика пели и танцевали. А надо заметить, что они очень любили это делать, и талантливые певцы и музыканты имели у них почёт, ну а лучшие и вовсе сравнивались если не с богами, то с героями, и их щедро вознаграждали.

* * *

Ашшурбанал находился в городе второй день, когда у него в ашшурской резиденции появилась царица-мать. Она буквально взлетела на второй этаж, где находился Великий царь. Он в этот момент кормил с руки Лилит, свою любимицу, чёрную пантеру, выхоженную им ещё с трёхмесячного возраста, и тут перед ним предстала взволнованная Накия-старшая.

– Что-то случилось? – спросил её Великий царь и подал ремешок стоявшему рядом рабу, чтобы тот отвёл Лилит в другую комнату.

– Ашшур-шаррат плохо... – выпалила Накия-старшая.

Первая супруга Ашшурбанапала одновременно являлась дочерью сестры царицы-матери. Когда-то Синаххериб заполучил Накию-старшую и её младшую сестру в качестве дани в свой гарем, это случилось, когда он осаждал один из взбунтовавшихся в Сирии городов. Более бойкая Накия-старшая сумела из обычной наложницы возвыситься до царицы, а её сестра так и затерялась в толпе одалисок, услаждавших в минуты отдыха Синаххериба. Сестра Накии-старшей рано ушла из жизни, и после этого её единственная дочь для царицы-матери стала самым родным человеком. Она её опекала и выдала тринадцатилетней девочкой за тогда ещё семнадцатилетнего Ашшурбанапала замуж. Сейчас Великий царь находился в Ашшуре без супруги, он оставил её в Ниневии, так как она была на девятом месяце беременности, и дорога ей была противопоказана, хотя от Ниневии до Ашшура всего-то день пути.

Ашшурбанапал не успел ещё отреагировать на слова царицы-матери, как тут же появился евнух.

– Государь, – тучный евнух раскраснелся от бега в неудобной длиннополой одежде и, держась за сердце, едва перевёл дух, – ца... ца-а-ари... о-о-о... о-она...

– Ну, что?! Что?!

– Она разрешилась...

– Ду-урень, да не тяни же ты! – сорвалась на него царица-мать, потерявшая самообладание. Она стояла рядом и от волнения стала необычно бледной. – Что с Ашшур-шаррат, с моей племянницей? У неё всё благополучно?

– С ней всё хорошо.

– Кто родился? – задал вопрос уже Ашшурбанапал.

– Сын!

– О-о, Боги, о-о, Ашшур Величайший и Иштар, я благодарю вас всех! – воздел к небу руки радостный царь. – Вы милостивы ко мне!

– Поздравляю тебя, дорогой! – обратилась уже к Ашшурбанапалу царица-мать. – У тебя родился от Ашшур-шаррат ещё один сын! Это уже второй твой наследник...

* * *

А теперь пора рассказать кое-что и про Ашшурбанапала. Ведь в моём повествовании он будет самой главной, по сути центральной фигурой. Так вот, хотя он и жил очень давно, почти две тысячи семьсот лет назад, но между прочим о нём нам известно не мало. Сразу скажу, он считался неординарной личностью, и по праву его причисляли к самым образованным правителям древности. Рядом с ним навряд-ли кого-то поставишь. Но так получилось, разумеется, не само собой.

Всё дело заключалось в его учителях. А вернее, в одном из них...

Для Ашшурбанапала старшим товарищем и непререкаемым авторитетом являлся его главный наставник. Я бы даже так сказал: если для нынешнего Великого царя Асархаддон был отцом физическим, то Набуахиариба стал духовным. Он очень многое дал своему любимому ученику. И следует помнить, что именно с посылы учителя началось восхождение на трон прежде зажатого и до нельзя застенчивого Ашшурбанапала.

Ашшурбанапал ещё юношей записывал изречения учёного. Вот одно из них: «Если будешь топтаться на месте и ничего не захочешь предпринимать, то обречёшь себя не только на застой, но и на неминуемую гибель».

И эти слова Ашшурбанапал помнил, одев на голову царскую тиару, и, разумеется, он сделал соответствующие выводы.

С первых же дней своего правления он задумал провести серию реформ, однако приступить к ним сразу не смог.

* * *

Было очевидно, что Ашшурбанапал их давно обдумывал, и разговоры с учителем только подкрепляли его решимость, однако первые несколько лет его правления были под завязку заполнены военными кампаниями.

Вначале пришлось подавлять восстание в Египте, вспыхнувшее ещё при отце Ашшурбанапала. Именно на пути в Египет, в Северной Сирии, оборвалась жизнь его отца от сердечного приступа, и он не успел вернуть эту страну в лоно империи. А восстали египтяне потому, что в долине Нила объявился кушит Тахарка, провозгласивший себя фараоном. Его эмиссары подговорили выступить против Ассирии подчинявшиеся ей финикийские и филистимские города, а также Иудею, Эдом, Моав и Амон, и спустя некоторое время к ним присоединились греки на Кипре.

Не успел Ашшурбанапал восстановить порядок на Западе, как запахло жареным на восточных рубежах, и вскоре в Южную Месопотамию вторглись эламиты, поддержанные арамейскими и халдейскими князьками, а ещё и кочевавшими поблизости арабами.

Затем, после умиротворения Юга и Востока, начались столкновения на Северной границе, где пришла в движение орда кочевников киммерийцев. Не успели войска империи их отогнать от ассирийской границы, как запылало вновь на Ниле. И опять там разожгли пламя кушиты. На этот раз возмутителем спокойствия оказался племянник Тахарки, утвердившийся в Напате.

Танутамон собрал серьёзные силы и вторгся из Нубии в Египет и, пройдя с боями до самой дельты и захватив Мемфис, он провозгласил себя очередным египетским фараоном. Его опять поддержали Тир, Арвад и некоторые другие

финикийские и филистимские города, но иудеи не рискнули на этот раз взбунтоваться. И вновь пришлось замирать Запад и прогонять из Египта очередного дерзкого кушита.

Танутамон был разбит и бежал сломя голову за Нильские пороги.

Затем стала нарастать угроза со стороны Мидии и Манны. Они заключили между собой антиассирийский союз. Впрочем, что-либо серьёзного эта враждебная коалиция не успела совершить. Ашшурбанапал натравил на Мидию скифов, у которых в тот момент правил уже не старый одноглазый Ишпакай, а лояльный к ассирийцам его сын Партатуа, женатый на младшей сестре Ашшурбанапала. Скифы нанесли мидийцам жестокое поражение при Кох и-Руде, ну а в Манне произошёл переворот, её законного царя Ахсери из династии Иранзидов свергли и убили, и власть в ней захватил узурпатор. Ашшурбанапал выиграл войну у Манны и навёл в ней порядок. А затем помог сыну Ахсери вернуть трон. Манна перестала поддерживать Мидию и превратилась в верную союзницу Ассирии.

Так все первые годы своего царствования Ашшурбанапал был вынужден непрерывно воевать и подавлять восстания в своей обширной державе, и только к 658 году до новой эры, то есть на одиннадцатый год своего правления, он, наконец-то, приступил к давно задуманным реформам.

Надо полагать, что реформы- это дело не простое и чрезвычайно хлопотное. Особенно если они не хаотичные, как иногда бывает, а выверенные и вполне продуманные.

Прежде всего, по совету Набуахиарибы, Ашшурбанапал окончательно централизовал царскую власть. Он сделал её абсолютной. Для этого он сменил самых одиозных и нечистых на руку наместников, набравших слишком большую силу, и поставил вместо них таких же, как и великан Бел-Ибни, инородцев или незнатных по происхождению коренных ассирийцев, талантливых и всецело преданных ему, и которые уже успели проявить себя на государственной службе. Но отныне наместники находились на своих постах не больше двух-трёх лет, и потом их переводили в другую провинцию, а сами провинции, за редким исключением, Ашшурбанапал разукрупнил и вывел из их подчинения некоторые важнейшие приграничные крепости.

А ещё был значительно обновлён так называемый Тайный царский Совет, в который теперь вошли не люди Асархаддона, а наиболее преданные соратники нынешнего Великого царя, причём многие из них являлись выходцами из низших слоёв общества и прежде не занимали каких-либо должностей.

Среди этих новых выдвиженцев оказалось немало и тех,

кто вместе с Ашшурбанапалом занимались у учителя и посещали его лекции или проходили обучение в университете Шадипадума. Все они были сторонниками преобразований, а некоторые ещё и ненавидели зажавшуюся ассирийскую знать, и заявляли об этом откровенно.

Но Ашшурбанапал отодвигал родовую знать от рычагов управления постепенно, и делал он это крайне осторожно, так как следовало опасаться заговоров с её стороны.

Одновременно с этим реформировалась налоговая система, преобразованиям подверглись и слишком разросшийся двор, и управление на местах, начиная от отдельных городов и заканчивая провинциями. Назначались чиновники с широкими полномочиями контролёров, а также всемерно поощрялись торговля и ремесленное производство, для чего были впервые за несколько десятилетий значительно снижены налоги.

* * *

Но особое значение Ашшурбанапал придавал реформе армии. А всё потому, что именно она являлась гарантом существования Ассирии. Без боеспособной армии империя не продержалась бы и дня. Армия была стовым хребтом Ассирии.

При Ашшурбанапале ассирийскую армию окончательно перевооружили, и все без исключения её воины получили

наступательное оружие из железа, а бронзовыми остались только защитные доспехи. В колесничих отрядах преобладающими стали тяжёлые повозки и усилилось значение конницы, которая теперь задействовалась не только для разведки и конвоирования пленных. Появились конные полки, причём они иногда состояли полностью из наёмников (из скифов и киммерийцев, лучших наездников того времени). Также была реорганизована разведка и усилена была служба «Глаза и уши царя», которую по-прежнему возглавлял Главный глашатай, но им уже стал новый человек, энергичный сподвижник Ашшурбанапала. Его звали Ишмидаганом, и он был родом из Кальхи.

Он быстро вошёл в курс дела и развил бурную деятельность. И уже вскоре ему удалось как паутиной накрыть своими людьми не только всю империю, но и сопредельные с нею земли. А ещё Ишмидаган получил право посещать по необходимости Великого царя в любое время суток и сейчас, воспользовавшись этим правом, он заявился с очередным докладом.

– Я тебя слушаю, – кивнул головой Ашшурбанапал на приветствие Главного глашатая.

Ашшурбанапал сидел на троне, а у его ног примостилась его любимица Лилит. При виде Главного глашатая чёрная пантера подняла морду.

Ишмидаган покосился на грозную хищницу и заговорил:
– Государь, важные новости!

– Откуда?

– Они пришли из Элама.

– Что там?

– Только недавно на Востоке этого царства, благодаря разумным действиям матери нынешнего царя, были умиротворены персы... А ведь они попытались ни много ни мало, а скинуть с себя тяготившую их власть эламитов и создать своё собственное независимое государство, и вот... Элам потрясла новая серьёзная смута.

– О-опять?!

– На этот раз в Эламе восстали горцы.

– Касситы?..

– Нет-нет. Эту бучу уже затеяли те горцы, которые обитают южнее касситов...

– А-ах, значит, это луллубеи...

– Да! Они самые.

– Э-это хорошо... – произнёс Ашшурбанапал и погладил по холке пантеру. – Как ты думаешь, Ишмидаган, надолго-ли эта смута отвлечёт от западных границ Теумана?

– Я так думаю, государь, если опять не вмешается Шильках, мать нынешнего эламского царя, то восстание приобретёт нешуточные размеры и накрепко свяжет руки эламитами.

– Значит, надо помешать Шильках. Я жду от тебя предложений.

– Я уже продумал что нам сделать.

– Ну, и-и-и... И что же?

– Следует заслать к луллубеям наших людей, и не лишним будет уже сейчас поставлять им оружие. А ещё не мешало бы намекнуть кое-кому, что Ассирия поддержит их возмущение...

– Всё верно, так и действуй! – согласился с предложениями Ишмидагана Ашшурбанапал.

Ещё кое-что обсудив Главный глашатай уже собрался покинуть покои Великого царя, как Ашшурбанапал его задержал.

– Постой!

Ишмидаган развернулся.

– Я слушаю, государь! Что-то ещё?

– Кое что ещё хочу спросить!

– Мы по Эламу не договорили?

– Это уже не касается Элама.

– Я слушаю, государь.

– Теперь хочу поговорить о другом...

– Я весь во внимании.

– Новый предполагаемый наместник Приморья прибыл в Ниневию?

– Князь Набуэль?

– Да!

– Насколько я знаю, он уже в столице.

– Когда он прибыл?

– Он появился вчера. А приехал он под самый вечер.

– С какой целью он выезжал на Юг?

– Насколько мне известно, он уезжал в Приморье, чтобы проститься с заболевшим отцом.

– Не знал, что у него отец болен... Мда-а-а... А что с ним?

– Он мучился коликами в животе уже второй год и кажется недавно боги его всё-таки прибрали. И князь Набуэль его похоронил.

– А ты сам-то виделся с этим князем?

Ишмидаган кивнул головой.

– И пообщался?

– Не пришлось, государь. Я с ним не разговаривал.

– Почему?

– Я видел его только на расстоянии. Но мне доложили, что, когда он был проездом в Вавилоне, его там очень хорошо привечали. В честь него твой сводный брат, государь, даже устроил пир.

– Ну, на-а-адо же! – удивился Ашшурбанапал, и тут же он нахмурился. – Хм, а что-то крамольное на этой пирушке происходило?

– Ничего по этому поводу не могу сказать. Тосты поднимались за тебя, государь. Крамолы в их разговорах не установлено.

– Это точно?

– Мой человек там находился неотлучно. Пра-а-авда...

– Что-то ещё ты хочешь сказать?

– Слишком уж обхаживали этого князя твой сводный брат и его визирь, государь... И это подозрительно.

Ашшурбанапал кое-что вспомнил.

– Слу-ушай, Ишмидаган, а ведь ты его и до этого же знал?

Кажется, об этом ты мне как-то говорил...

– Ну, да!

– И что?

– Я с ним не раз прежде встречался... – Ишмидаган не стал рассказывать царю о том, что же его рассорило с этим Красавчиком. А повод был, и самый что ни на есть серьёзнейший. Да такой, что одно время Ишмидаган даже подумывал нанять наёмных убийц и расправиться с этим юным халдейским выскочкой, но его остановило то, что на тот момент Набуэль уже попал под покровительство Накии-старшей и стал её любимчиком. А идти наперекор царице-матери было себе дороже.

– Как ты оцениваешь этого князя? – спросил прямо Главного глашатая Великий царь, и пристальнее посмотрел на Ишмидагана, кажется что-то почувствовав.

Ишмидаган немного замялся, но, наконец-то, решился и выдал из себя:

– Я бы не советовал тебе, государь, торопиться с назначением этого князя.

– Ты так считаешь?

– Да, я так считаю.

– Объясни, почему? Он мне, кажется, достоин должности, которой я намерен его наделить... Хо-о-отя... Хотя он, конечно же, и молод, слишком молод. Ему всего-то двадцать!

Но за него говорили.

Ишмидагану было известно, кто же старался продвигать Красавчика, но он всё-таки пересилил свои опасения и осмелился возразить:

– Государь, князь этот, на мой взгляд... не очень... не очень-то и надёжен.

– Ты полагаешь?..

– Да, я так полагаю. И помимо этого он достаточно изворотлив и хитёр...

– Хи-итёр?..

Ишмидаган заколебался, продолжать ли ему в том же духе. Явно идти наперекор Накии он тоже не горел желанием, и потому на полуслове осёкся. Вообще, продолжать эту тему, как я уже отмечал, было опасно. Это было равносильно поссориться с царицей-матерью. То есть, это тоже самое, что насмелится и подёргать за усы льва... Нрав Накии-старшей был известен. Её при Ниневийском дворе все без исключения панически боялись.

– Хи-и-итёр, говоришь? – переспросил Ашшурбанапал.

Ишмидаган согласно закивал головой.

– Э-э, а ну-ка, ну-ка, поясни мне свои слова! – потребовал разъяснений неудовлетворённый ответом Ишмидагана Ашшурбанапал.

– Не спорю, – тщательно подбирая слова, продолжил Главный над всеми шпионами, – он, конечно же, весельчак, его... без исключения все любят... и, прежде всего, его обожают

женщины, они все сходят по нему с ума и, причём, не только за его более чем приятный облик, но и за его легкий нрав, однако он при этом сам себе на уме, и на самом-то деле никто не знает до конца, что от этого юнца можно ожидать. И потом... я больше чем уверен, что он не такой уж и покладистый, каким хочет казаться...

– Ты так считаешь?

– С ним следует быть осторожным!

Ашшурбанапал хмыкнул, но не стал продолжать эту тему и отпустил Главного глашатая. Впрочем, некоторый осадок после этого разговора у Ашшурбанапала всё-таки остался.

Вскоре появилась новая фаворитка Великого царя.

Ашшурбанапал вызвал раба и тот увёл Лилит, которую лидийка откровенно побаивалась.

Царь в последнее время редко виделся с этой девушкой и потому чувствовал некоторую вину перед ней. Он искренне обрадовался, увидев её.

Ашшурбанапал встал с трона и сделал несколько шагов навстречу золотоволосой фаворитке. Она склонилась перед ним на одно колено. Он тут же поднял её и, не удержавшись, поцеловал, а затем нежно провёл рукой по её подбородку и погладил лидийку.

– А у тебя усталые глаза...

– Да, государь.

– Как спалось? – спросил участливо Ашшурбанапал.

– Я мала спала, государь, – ответила лидийка.

– А что так? Что-то тебя встревожило? – попытался заглянуть Амматтеи в её большие и необычно зеленоватые глаза Великий царь.

– Да нет, ничего. Я просто увлеклась чтением, государь.

– Ты много читала?

– Да, государь. Я читала одну очень старую престарую книгу.

– Какую?

– Про царство хеттов. Ты слышал же про этот древний народ?

– Про хеттов?!

– Ну, да!

– Надо же! А я и не знал, что тебя интересуют эти хетты? О них мало кто помнит. Их уже нет. Но я, конечно же, про них тоже читал. Когда-то они были могущественным народом.

– Да! Хетты давным-давно жили по соседству с нами, лидийцами, – стала пояснять Амматтея. – У них было сильное царство. Я не раз посещала их заброшенные ныне города, в том числе и их столицу Хатуссу. А также города Канес и Несу. Я даже несколько своих стихов посвятила этому уже исчезнувшему народу.

– Я знаю эти стихи. Ну и что ты про них на этот раз вычитала?

– Про то, как один из хеттских царей захватил Вавилон и разграбил его. А потом я отложила книгу и надумала кое-

что сама написать.

– И у тебя что-то получилось?

– Да, государь. Я дописывала одно своё неоконченное стихотворение. Но последние строчки его мне долго не удавались. Я никак не могла подобрать рифму. И только к утру я это стихотворение закончила.

– Покажешь?

– Конечно! А-а! Да что я всё о своём? Мы с тобой не виделись неделю, государь, – Амматтея грустно улыбнулась, – ты был занят государственными делами, и я получается никак не могла с тобой повидаться и тебя поздравить... Вот и захотела это сделать. Может, я не вовремя? Так скажи...

– Нет-нет!

– Ну тогда я хочу тебя, мой господин, от всей души... поздравить...

– С чем?

– Ну как же?! – искренне удивилась золотоволосая лидийка. – У тебя же родился ещё один сын! Поздравляю тебя с его рождением! Ещё один наследник!

– А-а-а... Ты про это?

– Ну, конечно же.

– Спасибо.

Особой радости в голосе Амматтеи Ашшурбанал не заметил и переспросил:

– Тебя всё-таки что-то печалит? Или это сказывается усталость? От бессонной ночи...

– Не обращай внимания на меня, государь.

– И всё же?..

Лидийка рассеянно улыбнулась. Она явно была не в настроении.

Появился секретарь Великого царя. Долговязый Азимильк.

Он прокрался тенью и деликатно откашлялся:

– Государь, извини... Встречи с тобой дожидается халдей Набуэль. Он только что прибыл во дворец.

Ашшурбанапал хотел сказать, чтобы князь подождал, но лидийка засобиралась к себе, и Великий царь её остановил:

– Подожди-ка, не уходи! – Ашшурбанапал кое-что задумал.

– Я не хочу тебе мешать, – ответила Ашшурбанапалу Ааматтея. – У тебя же государственные дела...

– Ты мне не можешь помешать, дорогая. Кстати, мне кажется, что тебе будет любопытно посмотреть на этого князя. И знаешь, почему?

– Поясни, государь? – Ааматтея ещё не поняла того, что же задумал Ашшурбанапал.

– Да потому, что он не просто князь, он ещё и поёт, и делает это совершенно превосходно, – ответил ей Великий царь, – и, как мне передают, он обожает исполнять песни, написанные именно на твои стихи. Представляешь, он знает их все! И даже на некоторые уже пробовал сочинять мелодии! Ты ведь слышала?

– Да, я кое что слышала. Только вот не скажу, что все.

– И как они тебе?

– Мне понравилось.

– Вот-вот!

Ашшурбанапал распорядился, чтобы предполагаемого нового наместника Приморья пропустили.

Вскоре Красавчик появился в покоях Великого царя.

Халдей учтиво поприветствовал Ашшурбанапала и только искоса взглянул на лидийку, которая скромно отошла в сторону и встала за спинку трона и сейчас находилась в его тени.

Ашшурбанапал благосклонно принял приветствие предполагаемого нового назначенца и произнёс:

– Князь, я тебе соболезную. Оказывается, у тебя скончался отец... А скажи-ка мне, что случилось с ним? Отчего он скончался?

– Спасибо, государь, за соболезнование. Отец в последнее время сильно хворал. У него было не всё в порядке с желудком. У него были колики и он не мог принимать пищу. Врачи ничем не смогли ему помочь. И-и... – князь с горечью вздохнул и развёл руками. – Произошло неизбежное... Боги его забрали.

– Да-а-а, все мы во власти высших сил, боги по своему усмотрению распоряжаются нашими судьбами, – произнёс Ашшурбанапал, и чтобы порадовать свою фаворитку, он задал князю совершенно неожиданный в данном случае во-

прос:

– Князь, а ты, говорят, обладаешь разнообразными талантами?

Юноша по прозвищу Красавчик учтиво приложил ладонь к груди:

– Ты о чём, государь?

– Не скромничай! О твоих талантах, про которые и я слышан.

– Ну, что ж, об этом люди действительно говорят, – Набуэль так ещё до конца и не понял, к чему клонил Ашшурбанапал.

– И ты не будешь мои слова оспаривать?

– Не буду.

– А ещё говорят, – продолжил Ашшурбанапал, – что ты с самой юности увлекаешься поэзией?

– О, да, государь, – тут уже юный князь сразу же оживился. – Это моё давнее увлечение! Я увлекаюсь этим лет с семи-восьми...

– И ты знаешь поэзию, как никто другой...

– Не буду отрицать, но я это тоже могу подтвердить! Многие стихи я декламирую теперь наизусть! У меня цепкая память, и особенно на хорошие стихи, – ответил князь.

– И от чего у тебя склонность к поэзии?

– От отца. Государь, мой отец по молодости тоже пробовал себя в стихосложении. Ну и я от него этим заразился.

– Во-о-от как?! Получается, тебя приучили к поэзии не

где-нибудь, а в семье?

– С самого раннего возраста. У отца ещё было много книг.

– Выходит, он у тебя был не только чиновником?

– Он был ещё и книгочеем. Мой отец собирал книги всю жизнь. И, в итоге, он собрал внушительную библиотеку. В полторы тысячи табличек и папирусов! Написанных и на аккадском, и на арамейском. И даже на шумерском! Ни у кого больше нет такой библиотеки в Приморье, да и на всём Юге.

– О-о! Конечно, это похвально! Я люблю людей такого склада. А тогда скажи-ка мне, ты должен знать: кто на сегодняшний день лучший из поэтов в Ассирии?

– Я бы выделил одно имя, но это, государь, всё же не твой соотечественник, не ассириец! – И халдей вновь приложил ладонь к груди и повторно поклонился.

Красавец был обходителен и учтив. И надо отдать ему должное, не смотря на свои юные годы он был не только не по возрасту рассудителен, но умел преподнести себя и нравился, причём не только матронам в годах или незамужним молодкам, искавшим себе жениха.

Ашшурбанапал намеренно повторил свой вопрос:

– Так всё же скажи, кого ты сейчас выделяешь среди нынешних поэтов, князь? Известно же, что ты прекрасно поёшь и являешься ценителем поэзии. Твоими способностями восторгаются. И многие признают твой вкус! Вот и я бы хотел выслушать твоё мнение в этом вопросе!

– Государь, если это тебя так заинтересовало...

– Да, заинтересовало!

– То тогда скажу, что совсем недавно для себя я открыл новое имя... а точнее познакомился с творчеством одного поэта. Очень хорошего. Но это... это не мужчина.

– Получается, что это девушка, сочиняющая стихи?! – деланно удивился Ашшурбанапал.

– Да! Это- девушка. Поэтесса.

– Ну, на-адо же?! И кто же это?

– Она не ассирийка, и не халдейка, но её стихи совершенны! И созвучны с моей душой! О-о, они выше всех моих похвал!

– Так как её звать? Если это не ассирийка, то может быть гречанка? Известно же, что представители именно этого народа, обитающего далеко на Западе, более всего склонны к поэзии. Поэтов больше всего рождается у греков. И-или это ещё кто-то? Ну... говори же, как её зовут?! – стал нетерпелив Ашшурбанапал.

– Зо-овут её...

– Ну-у... не тяни!

– Её зовут Амматеей, государь, – выдохнул наконец-то юный князь.

Ашшурбанапал лукаво и одновременно торжествующе покосился на лидийку, которая уже более пристально взглянула на юношу, услышав из его уст своё имя.

Ашшурбанапалу удалось отвлечь любимую от печальных мыслей по поводу его второго сына, родившегося от закон-

ной супруги, и Великий царь намеренно продолжил начатую им тему:

– А не хочешь ли ты, князь, увидеть ту, кем ты восторгался?

– А что, это возможно? – удивился халдей.

– Вполне!

– Я очень этого хочу, государь. Об этом я давно мечтал! Ведь я, повторяю, безмерно восхищаюсь этой поэтессой! Я считаю, что она лучше всех сейчас пишет! У меня не хватит слов, чтобы выразить свой восторг от её стихов! А её «Соловей на ветке» – так я вообще считаю, что это что-то... что-то недостижимое! Это- шедевр! Шедевр самый настоящий! Я преклоняюсь перед её творчеством! Оно такое... такое... такое искреннее и душевное! О-оно... Да что я говорю? Разве я могу все свои впечатления передать словами? У меня не хватит на это никаких слов! – взволнованно сбился на скороговорку юноша.

– Ты можешь прямо сейчас выразить ей всё своё восхищение, – перебил разговорившегося Красавчика Великий царь и кивнул головой на лидийку, стоявшую скромно за тронном. – Выйди к нам, Амматтея!

Лидийка вышла из тени.

– Во-от, перед тобой стоит она... – произнёс Ашшурбанпал.

– О-о-она?! Это та самая... та самая А-а-аматтея?!

– Да!

– Это...э-это о-она?! – округлил глаза юный халдейский князь.

– Да, это она! Дорогая, познакомься...– продолжил Ашшурбанапал, – Это- твой почитатель. Впрочем, ты уже всё слышала, что он говорил о тебе и о твоём творчестве.

Аматтея немного застеснялась и промолчала. А вот Набуэль...

Юный князь несколько неуклюже обернулся к Аматтеи и... И их глаза встретились.

Взгляд зеленоватых глаз лидийки буквально обжог Набуэля. Князю показалось, что у него закружилась голова. Он тут же не упал даже, а скорее рухнул перед девушкой.

И причём князь рухнул на оба колена. И тут же он воздел руки к золотоволосой и зеленоглазой красавице лидийке.

– О-о! Если мне позволено будет... Государь, извини, но я не могу удержаться на ногах. Я же... я же ослеплён! Я... я этой девушкой...я сражён! Наповал! Я готов всю жизнь стоять перед ней вот так, как сейчас! Ты – величайший государь, кто с этим поспорит, ну а рядом... рядом с тобой – прекраснейшая дева! И, к тому же, она не просто прекраснейшая обликом, а она... богиня! А богиня потому, что... самая талантливая и самая великая из всех поэтов нашего времени! Её песни теперь исполняются на пирах и праздниках по всей империи! И, наконец-то, я её увидел. Увидел её воочию! И признаюсь, государь, это была моя мечта!

Хотя то, что сейчас происходило, и выглядело несколько

картинно, но в проявлении своих чувств юный халдейский князь по прозвищу Красавчик на самом деле был более чем искренен. Просто он иногда так эмоционально выражал свои чувства. Особенно когда они его уж совсем переполняли.

Глава седьмая

Народ этот не считался пришлым.

Луллубеи являлись скотоводами и отчасти земледельцами. Хотя для их хозяйства важнейшее значение имело разведение овец и коз. Обитали луллубеи на южных отрогах Загросского хребта и в верховьях крупнейшего левого притока Тигра Диялы. На их территории также начинались такие крупные реки, как Керхе и Карун.

Они подразделялись на дюжину племён и были родственны эламитами, но языки у этих народов в древности достаточно сильно различались. Впрочем, после того, как луллубеи дважды, в эпоху расцвета Эламского государства, на продолжительное время попадали в зависимость от своих южных соседей, они многое переняли у них, и это касалось не только каких-то бытовых или культурных моментов, но и затронуло наречие горцев. И немалая часть их теперь вообще предпочла перейти на более развитый эламский язык, тем более тот уже как три тысячелетия имел свою письменность.

У луллубеев было четырнадцать княжеств, и самыми влиятельными являлись два, в одном из которых правил тесть младшего сына Шильках. Именно к нему, к князю Куригальзе, сейчас и направлялся Тахрах.

Младшего сына царицы-матери сопровождали четыре десятка всадников. Вначале они двигались вдоль правого берега Керхе, но когда начались предгорья, то поселений стало попадаться меньше, и дорога резко запетляла, а затем и вообще сузилась, и стала напоминать горную тропу.

Вскоре в одном из селений Тахраху из-за этого пришлось оставить свою колесницу и пересесть на коня. А ещё через некоторое время начались владения князя Куригальзу. И хотя тесть Тахраха пока что не выступал в открытую против властей, но по его территории уже было опасно передвигаться, и Тахрах велел своим людям быть постоянно начеку.

Когда до замка тестя оставалось примерно полтора фарсаха, навстречу Тахраху и его людям выехали из-за скалы всадники. По их облику сразу стало понятно, что это были горцы.

Луллубеи отличались от эламитов. У них была более тёмная кожа и они носили своеобразные остроконечные головные уборы, чем-то напоминавшие киммерийские войлочные колпаки, и кони у них были низкорослые, больше приспособленные передвигаться по отвесным кручам.

Один из луллубеев поднял руку и зычно прокричал: – Э-эй, вы! Вы кто такие? Что вам надо у нас?

Тахрах выехал вперёд и крикнул в ответ:

– Я зять Куригальзу! Направляюсь к его замку!

Один из горцев подъехал поближе к эламитам. Узнав младшего сына Шильках, он повернулся к своим и махнул рукой, подтверждая, что это действительно так.

Куригальзу когда-то являлся простым воином, но в него влюбилась дочка князя. Её отец не обрадовался их связи и даже несколько раз подсылал к нему наёмных убийц, а после думал схватить и распять дерзкого воина, прятавшегося от него в труднодоступном месте. Однако у строптивца от дочери князя родился ребёнок, и луллубейскому владельцу пришлось смириться с её выбором. А вскоре Куригальзу наследовал княжество тестя и набрал в горах силу.

Куригальзу был вдовцом уже двенадцать лет. И самое дорогое, что у него было, это его единственная Лаэ. К семнадцати годам она расцвела, и её уже считали наиболее желанной невестой все луллубеи. Её стали добиваться многие знатные горцы, однако Куригальзу предпочёл её выдать замуж за младшего сына Шильках. И царица-мать к этому предложению отнеслась более чем благосклонно.

Шильках всё-таки была очень дальновидной, и хотела установить более тесные отношения с самым влиятельным владельцем среди луллубеев.

Теперь настала пора этой связью в интересах Элама воспользоваться...

Замок Куригальзу был совершенно неприступен. Он оседлал вершину, поднявшуюся к облакам, и у подножия которой протекал ручей, впадавший в Керхе. К замку можно было подступиться только с одной стороны – да и то подняться по очень узкой тропе можно было лишь спешившись. Ворота его всегда были закрыты. В остальном он являлся типичным варварским убежищем, которое только с натяжкой можно назвать замком.

У основания он был выложен из массивных глыб, а сверху над ними возвышалась деревянная надстройка, устроенная из брёвен. Внутри имелся дворик и находилось несколько хозяйственных построек.

Куригальзу принял Тахраха у себя:

– Что случилось, зять? – кряхтя поднялся со своего лежака грузный луллубейский князь.

Ему было под шестьдесят, и у него был уже совершенно лысый череп. Однако Куригальзу гордился своей бородой. Она у него на вавилонский манер была роскошная, курчавая и очень длинная, и доходила ему едва ли не до пояса. Ни у кого из луллубеев больше не было такой бороды!

– Приветствую тебя! И пусть Хумбан, Пинекир и прочие наши боги хранят твой дом! – поприветствовал хозяина замка Тахрах. – Не просто к тебе добаться, князь. Мог три раза

голову свернуть! Но вот пришлось взбираться на коня... А привели к тебе дела, точнее беспокойство тем положением, которое сложилось в ваших горах...

– А-ах, вот оно что, – слегка усмехнулся луллубейский князь. – Ну, пока что не беспокойся, зять. У меня всё спокойно. Сам видишь! Тебя никто по дороге не тронул. И мы как признавали над собой власть Суз, так и признаём её. Ни один эламит не был убит в моём княжестве, так что же Шильках и её старший сын беспокоятся? Мы, как и прежде, выплачиваем налоги, хотя их размер значительно увеличился, и совершенно непонятно почему. Но я не позволяю своим людям роптать на это! Они у меня вот где... – и Куригальзу сжал кулак. – И никто из них не поддерживает бунтовщиков! Все меня слушаются!

– Зато в других местах луллубеи вышли из повиновения и прогоняют мытарей и эламских чиновников, – заметил Тахрах. – Это не дело...

– За других я не в ответе!

Тахрах промолчал.

Царица-мать предупреждала его, что разговор с тестем будет у него непростой, однако другого выбора не было. Сейчас в луллубейских горах можно было опереться только на Куригальзу.

– Давай-ка с дороги поешь, – предложил тесть Тахраху, – ну а после о серьёзных вещах с тобой потолкуем.

Тахрах не стал возражать.

Луллубейский князь распорядился, чтобы накрыли стол и накормили людей, прибывших с младшим сыном Шильках.

* * *

Когда Тахрах поел и передохнул, луллубейский князь вновь его принял. На этот раз он был настроен более дружелюбно.

– Как там моя доча и внуки?

– У них всё хорошо! Мадакта им нравится. Всё-таки эта вторая столица и расположена она в живописных предгорьях, где никогда нет зноя. Старший твой внук, Куригальзу, уже учится стрелять из лука, и скоро я начну его приучать к верховой езде, ну а малыш ещё в колыбели, но у него прорезываются зубки. Вот, это твоя дочь просила тебе передать...

И Тахрах подал Куригальзу мешочек.

– Что в нём? – спросил луллубей.

– Волосы твоего младшего внука. Которого мы, кстати, назвали в честь тебя Куригальзу.

Куригальзу достал прядь детских волосёнок и понюхал их. После этого он зажмурился и расплылся в счастливой улыбке. Затем этот пучок волос вновь положил в мешочек и спрятал его у себя под ремнём. Стало видно, что луллубейский князь тут же обмяк. Он окончательно смягчился и спросил Тахраха:

– Ты прибыл от Шильках или от своего старшего брата?

– От царицы-матери.

– Выходит, с миром.

– Да, с миром.

– Я этому рад. Я ведь слышал, что Теуман собрался выжечь всю нашу землю.

– Пока Шильках в Сузах, она этого не допустит!

– Я только на неё и надеюсь... – промолвил луллубей. – Но я также наслышан, что старший сынок Шильках всё больше отбивается от рук, он уже совсем позабыл, кому обязан властью. Разве не так?

Тахрах на это высказывание тестя никак не отреагировал. Сейчас важно было выяснить у него настроение других князей и племенных старейшин горцев, что думают они. Как бы прочитав этот вопрос на лице зятя, луллубей произнёс:

– К восстанию примкнула пока что половина наших племён, но кое-кто мутит воду в горах, и я вот этого как раз и боюсь.

Тахрах нахмурился:

– Ты уверен в том, что сказал?

Куригальзу кивнул головой и вызвал одного из своих воинов.

– Кардуш, приведи человека, которого мы на днях поймали в одном из дальних селений!

Воин приложил руку к груди и вскоре вновь появился, но уже не один, а с ним в помещение проковылял человек с непокрытой головой и со связанными кистями рук.

– Во-о-от, – указал на него Куригальзу, – это ассирийский лазутчик, хотя себя он называет касситом. Но что я не отличу кассита от ассирийца?! Его схватили мои люди. В одном из наших высокогорных и отдалённых селений он призывал не слушаться меня и поддержать восстание других луллубейских племён. И таких ассирийских лазутчиков в наших горах заслано не один-два, а несколько десятков. Мало того, я уже знаю, что они не только призывают горцев к неповиновению, но обещают им помощь со стороны Ассирии и успели даже направить кое-кому несколько караванов с оружием. Мои люди перехватили один из таких. Кардуш, покажи ещё кое-что, – обратился к своему воину луллубейский князь.

Вскоре Кардуш и ещё два луллубейских воина внесли несколько луков и мечей и сложили всё это перед Куригальзу и его зятем. Тахрах наклонился и поднял один меч, повертел его в руках, посмотрел клеймо мастера и сделал мечом замах.

– Мда-а-а, же-елезный.

– Вот-вот, – поддакнул Куригальзу.

– И клинок обоюдоострый. И рукоятка его, как посмотрию... Это, бесспорно, ассирийский меч. Только ассирийцы умеют такие мечи делать...

Тахрах обернулся к пленнику:

– Ты кто? Как тебя звать?

– Я кассит, уважаемый. И меня с кем-то спутали. Я уверяю, что случайно забрёл на луллубейскую территорию.

Куригальзу указал Кардушу на лазутчика.

– Поджарь ему пятки, может, тогда он скажет нам правду!

Когда кричавшего лазутчика увели, Куригальзу спросил

Тахраха:

– Ну, что ты по этому поводу думаешь?

Тахрах не сразу ответил. Он сопоставлял всё сказанное и увиденное и, наконец, сделал собственный вывод:

– Скорее всего, здесь на самом деле просматривается рука ассирийцев. Похоже, они пытаются разжечь в горах пламя восстания, а мой старший брат по глупости своей или лучше сказать по недалёковидности подыгрывает им и намеревается сюда отправить целый корпус карателей. Я представляю, что после этого случится! Мы до конца не оправились от восстания персов на востоке нашего царства, понеся большие потери, в том числе и людские, и если тут начнётся ещё одна совсем нешуточная заварушка...то тогда... Д-да-а-а...

– Правильно говоришь! – поддержал зятя Куригальзу. – Она никому не пойдёт на пользу. И только обрадует наших общих врагов.

Младший сын эламской царицы-матери продолжил:

– Пока не поздно, надо разрушить планы тех же ассирийцев. У тебя есть смышлёные люди, которые бы объяснили сложившееся положение вожакам бунтовщиков?

– Найдутся!

– Отправляй их к ним. Ну и собери где-нибудь в одном месте, кого сможешь. С этими людьми буду говорить уже я.

Немного подумав, Куригальзу заметил:

– Я так думаю, что лучше всего луллубейских старейшин и князей собрать не в моём замке...

– А где?

– У Буштэ.

– У Буштэ?

– У него второе по значимости княжество, и он сейчас колеблется, хотя вышедшие из повиновения луллубеи считают, что он уже примкнул к ним.

– Хорошо, пусть будет так! Соберёмся у него, – заключил Тахрах.

* * *

Князь Буштэ был не только, после тестя Тахраха, вторым по значению владельцем в луллубейских горах, но ещё являлся отцом семнадцати дочерей, и поэтому поводу он страшно сокрушался. У него до сих пор так и не родился наследник.

Обычно луллубеи имели одну жену, но Буштэ завёл себе семь, и все они регулярно рожали ему только девочек. Буштэ негодовал, кричал на жён, даже бил их плетью и таскал за волосы, но поделаться ничего не мог, а все горцы за его спиной смеялись над ним и зубоскалили по этому поводу. При встрече у них уже чуть ли не приветствием был вопрос: «Ну что, у князя Буштэ опять родилась дочь?»

Замок Буштэ находился в трёх фарсах от укрепления тестя Тахраха, но продвигаться пришлось по труднодоступным горам, и путь до Буштэ занял почти полторы недели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.